

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Авраамова Е.М., Гришина Е.Е., Елисеева М.А.,
Логинов Д.М., Мареева С.В., Рагозина Л.Г.,
Тополева-Солдунова Е.А., Тындик А.О., Цацура Е.А.**

**Потенциал роста экономической активности
населения, социальной динамики населения и риски
возникновения трудных жизненных ситуаций**

Москва 2015

Аннотация. В работе представлены результаты исследования проблем роста экономической активности населения, социальной динамики и риски возникновения трудных жизненных ситуаций, реализованного по специально разработанной методологии. Информационной базой исследования послужили результаты опроса населения, проведенного в трех субъектах РФ (Томской, Рязанской и Пермской областей); совокупный объем выборки составил 4800 респондентов. Определены ресурсные характеристики, влияющие на значения экономической активности населения, установлены значения соответствующих факторов, определяющие ее рост или, наоборот, торможение. Установлена связь ресурсного потенциала домохозяйств с уровнем благосостояния. Подробно описаны трудные жизненные ситуации, в которые попадают домохозяйства, не имеющие ресурсов для их самостоятельного преодоления и, таким образом, нуждающиеся в социальной поддержке.

Список исполнителей

1. Аврамова Елена Михайловна, заведующий лабораторией исследований социального развития Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ
2. Гришина Елена Евгеньевна, заведующий лабораторией исследований пенсионных систем и актуарного прогнозирования. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ
3. Елисеева Марина Александровна, научный сотрудник лаборатории исследований социального развития. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ
4. Логинов Дмитрий Михайлович, старший научный сотрудник лаборатории исследований социального развития. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ
5. Мареева Светлана Владимировна, старший научный сотрудник лаборатории исследований социального развития. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ
6. Рагозина Людмила Георгиевна, заведующий лабораторией исследований уровня жизни и социальной защиты. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ
7. Тополева-Солдунова Елена Андреевна, старший научный сотрудник лаборатории исследований уровня жизни и социальной защиты. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ
8. Тындик Алла Олеговна, ведущий научный сотрудник исследований демографии, миграции и рынка труда. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ
9. Цацура Елена Алексеевна, старший научный сотрудник лаборатории исследований уровня жизни и социальной защиты. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2014год.

Содержание

Введение.....	5
1 Факторы экономической активности населения и социальной динамики.....	7
1.1 Благополучие российских домохозяйств.....	7
1.2 Влияние демографического фактора на социальную динамику.....	20
1.3 Влияние здоровья на экономическую активность населения.....	23
1.4 Образовательный фактор социальной динамики.....	26
1.5 Занятость как условие социальной динамики.....	29
2 Домохозяйства в трудной жизненной ситуации.....	33
2.1 Подходы к исследованию феномена трудной жизненной ситуации.....	33
2.2 Возможности социальной защиты по работе с социально исключенными категориями.....	33
2.3 Инновационные технологии социального обслуживания.....	35
2.4 Проблемы, требующие разрешения в целях развития системы социальной защиты и облегчения внедрения нового законодательства.....	39
2.5 Работа с освободившимися заключенными и бездомными.....	44
3 Драйверы и барьеры экономической и социальной активности домохозяйств.....	56
3.1 Дифференциация домохозяйств по уровню ресурсообеспеченности и благополучия.....	56
3.2 Перспективы повышения экономической активности населения.....	63
3.3 Поддержка социально исключенными категориями населения.....	71
Заключение.....	80
Список использованных источников.....	85

Введение

Исследование потенциала роста экономической активности населения, социальная динамика населения и риски возникновения трудных жизненных ситуаций – три самостоятельных сюжета, каждый из которых имеет исключительно важное значение для выстраивания эффективной социальной политики и на ее основе повышения благосостояния граждан. Вместе с тем, эти сюжеты могут быть объединены на одной методологической основе, и в этом случае приобретает объемное видение целого комплекса проблем социально-экономического развития. Такой методологической основой мы считаем ресурсный подход уже примененный нами в рамках социологического мониторингового обследования заработных плат, доходов, бедности и социального неравенства, что являлось темой НИР 2013 г. В рамках реализации указанной темы НИР было выяснено, что российские домохозяйства изначально имеют или накапливают социальные ресурсы, различающиеся по своей структуре и степени развитости. Именно эти характеристики ресурсной базы домохозяйств можно рассматривать в качестве факторов социальной динамики. В то же время социальные ресурсы, выступают, с одной стороны, как стимул экономической активности, а, с другой стороны, как ее результат. В то же время, отсутствие ресурсов развития в домохозяйстве в сильной степени предопределяет риск возникновения трудных жизненных ситуаций. Таким образом, все три заявленных сюжета оказываются связанными единой методологией в основе которой лежит ресурсный подход, и это дает возможность получить панорамное видение соответствующей социально-экономической проблематики.

В рамках настоящего исследования ресурсный подход существенно развит, так как не только оценено влияние отдельных ресурсов на социально-экономическое развитие на микроуровне, но и измерены параметры каждого ресурса, играющего роль в повышении экономической активности населения и сокращении социально-экономического неравенства.

Информационной базой исследования послужили результаты опроса населения, проведенного в трех субъектах РФ (Томской, Рязанской и Пермской областей) 18 лет и старше. Основой для отбора служат домохозяйства, опросы проведены по месту жительства респондентов. Использована вероятностная территориальная четырехступенчатая стратифицированная выборка, общий объем которой составляет 4800 респондентов – по 1600 в каждом исследуемом субъекте РФ.

1 Факторы экономической активности населения и социальной динамики

1.1 Благосостояние российских домохозяйств

Доходы являются базовой характеристикой уровня благосостояния, хотя их оценка в социологических исследованиях оказывается затруднена в силу нежелания респондентов подробно и честно отвечать на вопросы о своих индивидуальных доходах и доходах домохозяйств в целом. Ответы представителей домохозяйств, которые дали содержательный ответ на вопрос о доходах, показали, что среднемесячный денежный доход российских домохозяйств, включающий в себя все денежные поступления за последний месяц (заработную плату, пенсии, стипендии, другие денежные поступления), составлял на момент опроса 28204 руб. Медианный показатель среднемесячного дохода домохозяйств составил 25000 руб. Среднемесячные среднедушевые доходы российских домохозяйств составили 12430 руб.; медианное значение среднемесячного среднедушевого дохода составило 10500 руб. Среднемесячные среднедушевые доходы почти двух третей домохозяйств находятся в интервале от 5000 до 15000 руб. (63,8%). Доходы менее 5000 руб. в месяц в расчете на члена домохозяйства имеют 9% населения.

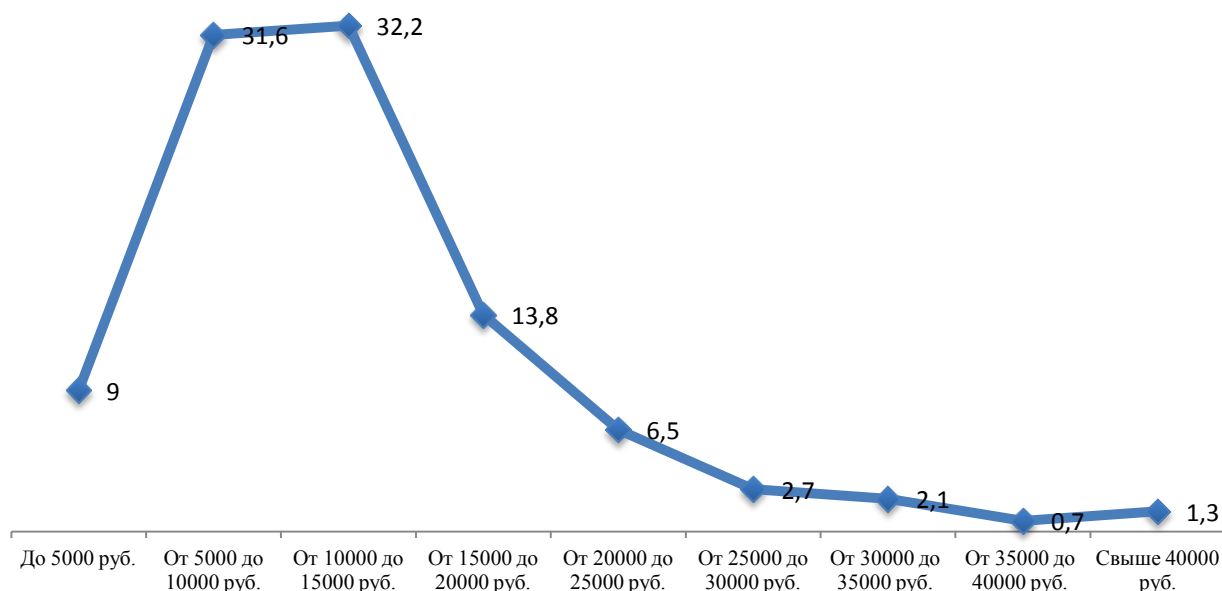

Рисунок 1 - Распределение среднемесячного среднедушевого дохода российских домохозяйств, %

Более высокими средними показателями дохода по сравнению с двумя другими регионами, попавшими в выборку, характеризовалась Томская область; доходы оказывались выше в областных центрах, а наиболее низкими показателями среднего и медианного дохода отличались села.

Таблица 1 - Среднемесячный среднедушевой доход домохозяйств в различных регионах и типах поселений, руб.

Доход	Среднее	Медиана
<i>Регион</i>		
Рязанская область	11462	10000
Пермский край	11714	10000
Томская область	13913	11600
<i>Тип населенного пункта</i>		
Областной центр	13874	12000
Город, поселок городского типа	12247	10000
Село	10610	9517

Если говорить об источниках доходов помимо заработной платы, то 46,9% домохозяйств имели среди них пенсии, а остальные виды доходов были распространены значительно реже. Так, пособия по безработице кого-то из членов семьи указали в качестве источника доходов за последний год 1,8% домохозяйств, стипендии – 4,0%, алименты – 3,0%, пособия на детей – 3,7%, а другие выплаты по линии социальной защиты (материальная помощь, жилищные субсидии, выплаты взамен льгот на ЖКУ) получали 16% домохозяйств.

В целом по массиву, медианный показатель соотношения дохода, необходимого для удовлетворительного уровня жизни, и текущего дохода составил 1,3 – т.е. типичному домохозяйству для достижения удовлетворительного уровня жизни необходимо повышение доходов на 30%.

Наличие сбережений характеризует «запас прочности», имеющийся у российских домохозяйств, который может быть использован для преодоления непредвиденных трудных жизненных ситуаций. В этой связи показательно, что возможность делать хотя бы какие-то сбережения имеет в настоящий момент только четверть всех домохозяйств (25,4% из ответивших на данный вопрос), в то время как для остальных характерна ситуация, при которой расходы оказывается как минимум не ниже всех имеющихся у них доходов, и возможности делать сбережения нет. При

этом у подавляющего большинства из тех домохозяйств, которые сейчас не имеют возможности делать сбережения (93,3%), нет и никаких созданных ранее накоплений.

Сбережениями обладают 27,6% домохозяйств областных центров, 24,1% домохозяйств, проживающих в других городах или поселках городского типа, и 23,4% сельских домохозяйств. При этом медианное значение того количества отложенных денег, которое можно считать сбережениями, совпадает во всех типах населенных пунктов, составляя 50 тысяч рублей.

Уровень благосостояния характеризуется не только величиной абсолютного дохода и объёмом имеющихся сбережений, но и теми типами лишений, которые домохозяйства могут испытывать в связи с нехваткой у них доходов. Данные опроса показывают, что за последний год большинство домохозяйств не испытывало лишений, связанных с полноценным питанием (более 80% могли позволить себе не реже, чем раз в два дня, есть мясо, рыбу или курицу, и три четверти могли позволить себе нужное количество овощей и фруктов). Лишения, связанные с невозможностью покупки одежды для членов домохозяйства, также, по их собственной оценке, не касались большинства россиян (72,5% могли себе позволить такие расходы). Таким образом, лишения в базовых потребностях – питании и одежде - испытывает только наименее благополучная четверть российских домохозяйств.

Иначе обстоит картина с лишениями других типов, связанных с образом и качеством повседневной жизни. Так, что касается возможностей отдыха в период отпуска, то только четверть населения может позволить себе ежегодную оплату хотя бы недельного отпуска вне дома для всех членов семьи. Тревожно выглядит и ситуация с инвестициями в человеческий капитал россиян: так, хотя почти половина опрошенных говорит о том, что за последний год они не сталкивались с необходимостью оплачивать какие-либо образовательные услуги, большинство среди столкнувшихся с такой необходимостью не могли себе этого позволить. Что касается медицинских услуг, то 28,4% из нуждавшихся в этом не смогли оплатить назначенные врачом лекарства и медицинские услуги, и 94,6% из тех, перед кем в течение последнего года возникала такая необходимость, не смогли позволить себе дорогостоящие операции в силу нехватки на это свободных денег.

Недоступна для абсолютного большинства нуждающихся в этом россиян и оплата услуг по уходу за пожилыми и инвалидами (90% из имевших такую необходимость). Наконец, для подавляющего большинства россиян – 90,3% из тех,

кто видел для себя такую необходимость – недоступна возможность накопить деньги на какие-то крупные покупки (машину, дачу); в целом же среди населения только четверть говорит о том, что такой потребности перед ними в последние 12 месяцев не стояло.

Картина типичных лишений несколько различалась в домохозяйствах, проживающих в различных типах поселений. Депривации всех типов реже испытывали жители областных центров и чаще – жители сел. Так, не могли позволить себе не реже чем через день есть мясо, курицу или рыбу 11,8% домохозяйств областных центров и почти в два раза больше (21,5%) сельских домохозяйств; покупка в нужном количестве овощей и фруктов была непозволительна для 16,8% и 31,7%, соответственно, покупка одежды - для 22,6% и 33,9%. Оплата ежегодного недельного отпуска вне дома для всех членов домохозяйств была невозможна для более чем трети домохозяйств во всех типах поселений, но и тут наблюдались различия – такой отпуск не могли позволить себе 67,7% жителей областных центров и 84,2% сельских жителей. Значительно выше были и доли сельских домохозяйств, не имеющих возможности оплачивать нужные лекарства, операции, образование.

В ходе исследования респонденты также самостоятельно оценивали финансовое положение домохозяйства по традиционно используемой для этих целей шкале, описывающей имеющиеся потребительские возможности. Результаты говорят о том, что, с одной стороны, в самом неблагоприятном положении находится около четверти россиян, которым не хватает денег даже на базовые потребности – одежду и еду (25,6%). *Большинство российских домохозяйств находятся в состоянии малообеспеченности* – им хватает денег на удовлетворение базовых текущих потребностей, но они не могут позволить себе что-то большее – например, покупку мебели или бытовой техники (39,5%). Еще чуть менее 30% домохозяйств имеют средний уровень финансового благосостояния – они не только могут обеспечить свои базовые потребности, но и купить недорогую мебель или технику. В благополучном положении находятся 6,5% россиян – они, судя по самооценкам, могут позволить себе дорогие покупки (как минимум, автомобиль).

Как и по другим индикаторам уровня дохода, здесь наблюдались различия, связанные с типом поселения. Оценка своего финансового положения жителями сел была смещена вниз по сравнению с оценками жителей городов – они чаще говорили о нехватке денег даже на еду или на покупку одежды и обуви, и реже отмечали, что

могли при необходимости приобрести недорогую мебель и бытовые приборы, и тем более – какие-то более дорогостоящие приобретения. Финансовая ситуация, оцененная по имеющимся возможностям потребления, выглядела наиболее благополучно для домохозяйств, проживающих в областных центрах – среди них 8,9% могли позволить себе дорогие покупки (автомобиль), треть могли покупать недорогую мебель и бытовые приборы. В наименее благополучном положении находились 21,1% из них – эти домохозяйства затруднялись приобретать необходимую одежду и обувь (при этом в других городах и ПГТ аналогичная доля возрастала до 24,8%, а в селах составляла уже треть - 33,2%).

Еще один яркий показатель уровня жизни и его дифференциации в современной России – это доля расходов на питание. Чем ниже доля затрат на питание, тем выше другие потребительские возможности домохозяйства и тем выше уровень жизни. Распределение оценок домохозяйств той доли их доходов, которая уходит на питание, показывает, что только чуть более трети россиян тратят на еду менее половины своих доходов, еще треть тратит около половины и чуть менее трети домохозяйств тратят на питание более половины своего совокупного дохода.

Рисунок 2 - Часть суммарного дохода, приходящаяся на питание, %

Эти данные дифференцировались в зависимости типа поселения: как и в случае других индикаторов благосостояния, наиболее неблагоприятная ситуация наблюдалась в селах – там на питание в среднем уходила большая доля доходов домохозяйств. Так, более половины своих доходов тратили на питание около трети сельских домохозяйств (32,7%), в то время как аналогичная доля среди жителей городов и ПГТ составляла около четверти.

Оценки материального положения собственного домохозяйства различались как в разных регионах, так и в различных типах поселений. Наибольшую поляризацию продемонстрировала Томская область – в ней по сравнению с другими регионами оказались выше как доля тех, кто оценивал материальное положение своей семьи негативно, так и доля тех, кто оценивал ее позитивно. Сравнение городов и сел показало, что наиболее позитивные оценки характерны для жителей областных центров, в то время как жители сел по сравнению с горожанами чаще оценивают свое собственное положение как плохое и реже – как хорошее.

Оценки, которые респонденты дают динамике своего материального положения, демонстрируют умеренный оптимизм. Хотя более половины россиян отмечают, что их материальное положение не менялось за последние 2-3 года и не ожидают каких-либо изменений и в ближайшее время, большая часть тех, кто все-таки фиксирует какие-либо изменения, считает их положительными. Так, улучшение своего материального положения за последние 2-3 года отметили 24,1% населения; ожидают улучшений в ближайшие годы чуть более трети респондентов (34,1%).

Однако особого внимания заслуживает тот факт, что улучшения материального положения – как уже произошедшие, так и ожидаемые – относятся прежде всего к тем домохозяйствам, кто и так находится в благополучном положении. При этом домохозяйства, оценивающие свое положение как плохое, в разы чаще, чем остальные, фиксируют, что за последние годы их положение только ухудшилось, а также ожидают дальнейшего его ухудшения. Такие данные свидетельствуют о продолжении тенденции поляризации населения по уровню материального благосостояния, дальнейшего углубления разрыва между благополучными и неблагополучными слоями населения.

Данные показывают, что в подавляющем большинстве домохозяйств в настоящий момент оснащены холодильниками и стиральными машинами. Около двух третей обеспечены домашним компьютером или ноутбуком, чуть меньшая доля

имеет доступ к интернету. Региональные различия в обеспеченности различными предметами длительного пользования заметны только в отношении компьютеров или ноутбуков и доступа в интернет: судя по данным исследования, компьютерами обладают 58,7% домохозяйств Рязанской области, 66,2% домохозяйств Пермского края и 71,8% домохозяйств Томской области; доступ в интернет имеют 56,3%, 62,9% и 68,7%, соответственно. Еще ярче различия в обеспеченности компьютерами и доступом к интернету проявлялись при сравнении различных типов поселений: компьютерами обладают 74,4% домохозяйств, проживающих в областных центрах, 65,5 % домохозяйств в других городах и ПГТ и 51,4% домохозяйств в селах; доступ в интернет имеют 72,6%, 61,9% и 47,2%, соответственно.

Отдельно нужно остановиться на обеспеченности домашних хозяйств различными транспортными средствами. В целом, 41,6% домохозяйств обладают тем или иным транспортным средством – легковым автомобилем отечественного или иностранного производства или каким-либо иным транспортным средством (грузовым автомобилем, трактором, мотоциклом, мотороллером и др.). Около пятой части всех домохозяйств имеют при этом в наличии легковой автомобиль отечественного производства (21,1%) и схожая доля – автомобиль-иномарку (20,0%). Другие транспортные средства имеют только 4,8% домохозяйств.

Важным аспектом общего уровня благосостояния домохозяйства является и его жилищная обеспеченность, данные о которой также собирались в ходе исследования. Прежде всего, нужно отметить, что наиболее типичная жилищная ситуация – это наличие у домохозяйства отдельной квартиры или дома / части дома (76,2% и 17,4%, соответственно). Остальные варианты жилищной ситуации распространены в гораздо меньшей степени и в целом нехарактерны для современного российского общества: так, в комнатах общежитий проживают 2,8% домохозяйств, в комнатах коммунальной квартиры - 1,4%, в нескольких комнатах отдельной квартиры – 1,1%.

Достаточно высокими являются и показатели наличия собственности на основное жилье. В трех четвертях случаев жилье принадлежит лично респонденту или членам его домашнего хозяйства (76,5%). Четверть домохозяйств не имеет полной собственности на свое жилье: в 5,7% случаев оно находится в долевой собственности членов домохозяйства и других собственников, в 5,8% - принадлежит другим собственникам, которым выплачивается аренда, в 4,9% также принадлежит другим собственникам, но аренда за него не платится. В государственном,

муниципальном, ведомственном жилье проживают 4,6% домохозяйств, а в жилье, принадлежащим предприятию – 0,6%.

Среди тех, кто является собственником (полным или долевым) своего жилья, более половины (57,2%) получили его путем приватизации ранее государственного или муниципального жилья, еще 1,8% приватизировали кооперативное жилье. Другие наиболее распространенные варианты получения основного жилья в собственность – его покупка, обмен или строительство без помощи кредита (16,3%) или получение его в наследство, в подарок (9,8%). Каждое десятое домохозяйство использовало кредитные средства для того, чтобы купить, обменять или построить собственное жилье (10,5%). Отметим, что более половины (58,8%) тех домохозяйств, которые использовали для строительства, покупки или обмена жилья кредитные средства, продолжают их выплачивать.

Половина домохозяйств характеризует свои жилищные условия как удовлетворительные (50%). Среди остальных преобладают скорее положительные оценки – 40,2% считают свои жилищные условия отличными или хорошими, в то время как плохие и очень плохие охарактеризовали их 9,8%.

Дополнительными индикаторами уровня благосостояния могут выступать наличие в собственности домохозяйств второго жилья или земли. Выяснилось, что более трех четвертей домохозяйств не имеют в собственности никакого второго жилья (77,6%); эта доля еще выше среди жителей сел (84,1%). Среди тех, кто все-таки имеет в собственности какой-то вид второго жилья, наиболее распространены такие его виды, как отдельная квартира (ее имеют 7,2% домохозяйств) и некапитальная летняя дача или дом на садовом участке (6,4%).

Интегральная оценка благосостояния домохозяйств

Интегральная оценка уровня благосостояния была произведена с использованием специально сконструированного индекса, учитывающего уровень доходов и наличие сбережений, имущественную обеспеченность и жилищные условия домохозяйств. Для расчета индекса, соответственно, использовались 3 шкалы. Респонденты, пропустившие или затруднившиеся с ответом хотя бы один вопрос, не учитывались при построении итогового разбиения по группам по уровню благосостояния.

Шкала «Доходы и сбережения»

Уровень дохода

Баллы начислялись согласно субъективной оценке уровня доходов домохозяйства при ответе на вопрос «[...] какое из следующих суждений точнее всего отражает финансовое положение Вашего домохозяйства за последние 12 месяцев?».

0 баллов: выбор вариантов ответа «Денег не хватало даже на еду» / «На еду и оплату ЖКУ денег хватало, но покупка одежды и обуви была проблемой»;

1 балл: выбор варианта ответа «На еду и одежду денег хватало, но покупка мебели и бытовых приборов была проблемой»;

2 балла: выбор варианта ответа «Могли покупать недорогую мебель и бытовые приборы, но на что-нибудь дорогостоящее, например, автомобиль, денег не хватало»;

3 балла: выбор вариантов ответа «Могли бы при необходимости приобрести автомобиль, но не смогли бы купить новую квартиру» / «могли бы при необходимости купить квартиру, в том числе с помощью кредита».

Сбережения

Наличие или отсутствие сбережений фиксировалось по ответам домохозяйства на вопрос «Скажите, пожалуйста, у Вас/у Вашего домохозяйства в настоящее время есть сбережения?»

0 баллов при отсутствии любых сбережений,

1 балл при наличии сбережений у домохозяйства.

Таким образом, максимальный балл по шкале «доходы и сбережения» мог составить 4 балла, минимальный – 0 баллов.

Итоговое распределение домохозяйств в соответствии с набранными баллами по шкале «доходы и сбережения» представлено в табл. 2.

Таблица 2 - Распределение домохозяйств согласно набранным баллам по шкале «Доходы и сбережения», %

Балл	Доля д/х в массиве, %
0	24,8
1	34,2
2	23,6
3	14,0
4	3,4

Количество респондентов, отнесённых в категорию «пропущенные значения» (затруднившиеся с ответом или пропустившие один из двух вопросов) составило 657 чел. – вопросы об уровне дохода и наличии сбережений традиционно относятся к числу сенситивных вопросов, на которые респонденты отвечают неохотно. Именно поэтому в целях построения индекса использовались наиболее общие вопросы о доходах и сбережениях, вызывающие меньшие затруднения с ответами, а не вопросы о конкретных суммах (ежемесячных доходов домохозяйства, конкретной величины имеющихся сбережений и т.п.)

Шкала «Жилищные условия»

Субъективная оценка жилищных условий

Баллы начислялись согласно субъективной оценке текущих жилищных условий домохозяйства в соответствии с ответами на вопрос «Как бы Вы оценили Ваши жилищные условия?»

0 баллов: ответы «очень плохие» / «плохие»;

1 балл: ответ «удовлетворительные»;

2 балла: ответы «хорошие» / «отличные».

Наличие собственности на жилье

Балл начислялся при условии собственности на жилье самого респондента или членов его домохозяйства. В качестве показателя использовался ответ на вопрос «...скажите, кому принадлежит Ваше жилье?»

0 баллов: жилье принадлежит членам домохозяйства и другим собственникам, только другим собственникам или государству,

1 балл: жилье находится в личной собственности респондента или собственности членов домохозяйства

Наличие второго жилья

Балл начислялся при условии наличия в собственности второго жилья (ответ на вопрос: «... есть ли у кого-либо из членов Вашего домохозяйства еще одно (второе) жилье в собственности?»).

0 баллов: отсутствие второго жилья в собственности;

1 балл: наличие любого вида второго жилья в собственности у кого-либо из членов домохозяйства (отдельная квартира, часть квартиры, комната в коммунальной квартире, дом (часть дома), капитальная зимняя дача, коттедж, некапитальная летняя дача, дом на садовом участке).

Таким образом, максимальный балл по шкале «жилищные условия» мог составить 4 балла, минимальный – 0 баллов.

Итоговое распределение домохозяйств в соответствии с набранными баллами по шкале «жилищные условия» выглядит следующим образом:

Таблица 3 - Распределение домохозяйств согласно набранным баллам по шкале «Жилищные условия», %

Балл	Доля д/х в массиве, %
0	2,8
1	14,7
2	41,4
3	33,4
4	7,6

Количество респондентов, отнесённых в категорию «пропущенные значения» (затруднившиеся с ответом или пропустившие хотя бы один из вопросов) составило 61 чел.

Шкала «Имущественная обеспеченность»

По 1 баллу начислялось за наличие каждого из следующих видов имущества (в работающем состоянии):

- стиральная машина;
- посудомоечная машина;
- компьютер или ноутбук;
- любое транспортное средство (отечественный или иностранный автомобиль или любой другой).

Таким образом, максимальный балл по шкале «Имущественная обеспеченность» мог составить 4 балла, минимальный – 0 баллов.

Итоговое распределение домохозяйств в соответствии с набранными баллами по шкале «Имущественная обеспеченность» выглядит так:

Таблица 4 - Распределение домохозяйств согласно набранным баллам по шкале «Имущественная обеспеченность», %

Балл	Доля д/х в массиве, %
0	3,8
1	25,9
2	35,0

3	32,5
4	2,8

Количество респондентов, отнесённых в категорию «пропущенные значения» составило 21 чел.

Интегральный индекс уровня благосостояния

Для получения итогового значения интегрального индекса благосостояния баллы по трем шкалам суммировались. Таким образом, максимальное значение итогового индекса составляло 12 баллов, минимальное - 0 баллов. Итоговое распределение домохозяйств в соответствии с набранными баллами по интегральной шкале благосостояния и их разбиение по группам представлено ниже. Медианное значение индекса составило 6 баллов, среднее – 5,63. В группу с низким уровнем благосостояния были отнесены 16,3% домохозяйств, уровнем благосостояния ниже среднего характеризовались 32,8%, средним – 31,7%, выше среднего -15,4%, и, наконец, высоким уровне благосостояния обладали 3,8% домохозяйств.

Таблица 5 - Распределение домохозяйств согласно набранным баллам по интегральной шкале благосостояния и по итоговым группам по уровню благосостояния, %

Балл	Доля в массиве	Уровень благосостояния	Доля в массиве
0	0,3	<i>Низкий</i>	16,3
1	1,5		
2	4,5		
3	10		
4	14,2	<i>Ниже среднего</i>	32,8
5	18,6		
6	17,6	<i>Средний</i>	31,7
7	14,1		
8	9,8	<i>Выше среднего</i>	15,4
9	5,6		
10	2,6	<i>Высокий</i>	3,8
11	0,9		
12	0,3		

Пропущенные (чел.)	719	
Пропущенные (%)	15%	

Распределение домохозяйств по группам с различным уровнем благосостояния не показало значимых различий в трех исследуемых регионах. Что касается поселенческого разреза, то села характеризовались заметно большей долей домохозяйств с низким уровнем благосостояния (22,5%) и меньшей долей домохозяйств с уровнем благосостояния выше среднего (11%) или высоким (2,1%).

1.2 Влияние демографического фактора на социальную динамику

Сложившиеся модели социального неравенства определяются комплексными взаимосвязями индивидуальных жизненных траекторий. Время и условия наступления важнейших событий жизни варьируют между социальными группами, создавая возможности и ограничения дальнейшей мобильности. В настоящем разделе будут коротко представлены особенности влияния традиционных демографических характеристик на социальную мобильность, а также возможности включения в анализ демографических событий жизненного пути.

Демографический состав домохозяйства влияет на благосостояние его членов, состав источников доходов, включая доходы от экономической активности, и, следовательно, на возможности попадания в верхние или, напротив, в нижние слои общества. Тем не менее, даже одинаковые по составу и другим демографическим характеристикам семьи могут по-разному справляться с возникающими рисками в зависимости от накопленных ресурсов – материальных, человеческих, культурных, социальных. Было бы преувеличением считать, что демографический состав жестко детерминирует социально-экономическое положение.

Анализ гендерного состава домохозяйства демонстрирует концентрацию женщин в социально уязвимых группах домохозяйств в каждом из регионов. Это, прежде всего, одиночки пенсионного возраста (78-86% женщин) и монородительские семьи (83-100% женщин). Если среди одиночек трудоспособного возраста доля мужчин составляет 57-62%, то к старшим возрастам она снижается до 14-22%. Причинами бедности среди женщин выступают такие традиционные «женские» причины, как овдовение или материнство в неполной семье. У женщин выше по сравнению с мужчинами доля не только неполных семей, но и семей с иждивенцами – детьми и пенсионерами. Нередко после развода женщины с детьми живут с пенсионерами-родителями, в зависимости от их возраста и трудоспособности это может влиять на возможности социальной мобильности женщины как позитивно, так и негативно. В качестве позитивного момента можно выделить использование временных ресурсов бабушки для присмотра и воспитания детей. Это позволяет женщине быть экономически активной, повышать благосостояние своей семьи. Однако по мере старения родителей и взросления ребенка (детей) для женщины негативные эффекты совместного проживания с родителями-пенсионерами нарастают. Более того, с учетом постоянного повышения

возраста при рождении детей и того факта, что граница старости предыдущего поколения движется вверх медленнее, период, когда женщина может получать поддержку по уходу и воспитанию, сокращается. В тоже время нарастают риски более жесткого протекания периода жизни женщины, который в социологической литературе получил название «сэндвича». Он означает, что женщина зажата между необходимостью помогать собственным подросткам, но неокрепшим детям, и одновременно заботиться о престарелых родителях, утративших трудоспособность. Если при этом она лишена супруга и поддержки со стороны мужчины, ее шансы попадания в категорию социальной уязвимости резко возрастают.

Риски находиться в нижних доходных квинтилях становятся относительно высоки для женщин после 35 лет (11,2%), даже если они не обременены иждивенцами. Для мужчин они остаются на более низком уровне (6,6%). Шансы попадания в верхний доходный квинтиль у женских домохозяйств в любых возрастах значительно ниже по сравнению с мужскими.

Не только число, но и возраст детей оказывают сильное влияние на материальное положение домохозяйства. Прежде всего, возраст ребенка – ключевой фактор экономической активности его матери. Известно, что возможности занятости женщин с детьми младшего возраста (0-2 лет) остаются в России относительно низкими. В целом по выборке доля домохозяйств с такими детьми составляет 9,2%. Этого объема достаточно для того, чтобы в дальнейшем анализе уделить ему особое внимание.

Распределение респондентов по типу домохозяйств в разрезе уровня благосостояния показывает, что большинство одиночек трудоспособного и пенсионного возрастов имеют материальное положение ниже среднего (35% и 41% соответственно). Большинство пар без детей и прочих родственников имеют средний доход (34,9%) и ниже среднего (32,6%). Стоит отметить, что 12% из них относятся к категории населения с высоким уровнем благосостояния. 33,7% пар без детей, с прочими родственниками имеют материальное положение ниже среднего, 33,7% - выше среднего и высокое.

У пар с одним ребенком до 18 лет, с двумя и более детьми до 18 лет, пар с детьми и прочими родственниками, пар с детьми старше 18 лет, пар с детьми до и старше 18 лет большинство относятся к среднему уровню благосостояния (39,6%, 35,1%, 37,6%, 34,1%, 34,3% соответственно). Монородительские семьи с детьми до 18 лет в основном имеют доход ниже среднего (41,9%), монородительские семьи с

детьми до 18 лет и прочими родственниками – средний (39,1%). Большинство домохозяйств, где один родитель, один или два взрослых ребенка имеют уровень благосостояния ниже среднего(38,8%). Можно сделать вывод, что самая тяжелая ситуация у одиноких пенсионеров, монородительских семей с одним или несколькими детьми до 18 лет, в семьях с одним родителем и взрослыми детьми (более 60% с низким материальным положением и ниже среднего). Как было отмечено ранее, эти категории населения являются социально уязвимыми.

Судя по распределению количества человек в домохозяйстве и уровня благосостояния населения, можно сказать, что самая благоприятная ситуация у «золотой середины»: в семьях, состоящих из 2 до 6 человек. В этих домохозяйствах низкий уровень благосостояния и ниже среднего – у менее 50% опрошенных, выше среднего и высокий – у более 16% опрошенных. Большинство домохозяйств с одним человеком в составе имеют низкий достаток и ниже среднего-66,4%. Так же уровень благосостояния низкое и ниже среднего у 64% семей, состоящих из 7 человек, 66,7% семей – из 8 человек. У половины домохозяйств с девятью членами доход низкий и ниже среднего, у половины – средний. Если к семьям, состоящим из одного человека, относятся пенсионеры и одинокие в трудоспособном возрасте, то к семьям с 7-8 членами относятся категории с несколькими детьми в разных возрастах и с пенсионерами, т.е. с большим числом иждивенцев в семье. Наличие иждивенцев в семье снижает возможность повышения материального положения семей, такая же ситуация у пенсионеров, живущих только на пенсию. Итак, можно еще раз подтвердить то, что демографический состав домохозяйства влияет на благосостояние его членов.

В региональном разрезе заметны небольшие различия в рисках попадания того или иного типа домохозяйства в бедные слои населения. Так, в Пермском крае выше шансы оказаться в категории с благосостоянием ниже среднего у нескольких типов домохозяйств: это бездетные пары и пары с двумя детьми, монородительские семьи с другими родственниками и семьи, отнесенные к «прочим». В Томской области по сравнению с другими регионами риски бедности выше у одиночек пенсионного возраста, а в Рязанской – у пар с несколькими детьми до и после 18 лет.

1.3 Влияние здоровья на экономическую активность населения

Положение индивида в социальной структура, его статус занятости и образование, неразрывно связаны со здоровьем его самого и членов его семьи. Именно состояние здоровья определяет, сколько времени на протяжении своего жизненного пути индивид может провести в состоянии экономической активности, и насколько эффективно он будет приращивать свое благосостояние.

В выборочной совокупности доля ответов «очень плохое здоровье» среди респондентов трудоспособного возраста крайне низкая (менее 1%). Однако для выделения респондентов, имеющих ограничения по здоровью, принято использовать также и категорию «плохое здоровье». Вместе они дают около 6% респондентов, чье здоровье может помешать полноценной экономической активности.

Иначе выглядят субъективные оценки состояния здоровья мужчин и женщин пенсионных возрастов. Среди них значительно выше доля уязвимых по здоровью – от 30 до 42% в зависимости от пола и региона. Эти респонденты одни из претендентов на попадание в трудные жизненные ситуации. Риски становятся еще выше для тех, кто проживает в одиночных домохозяйствах.

Крайняя форма ограничений по здоровью это инвалидность. В России получение статуса инвалида дает индивиду право на получение льгот и выплат, с одной стороны, но ограничивает в возможностях трудоустройства, с другой стороны. Стоит отметить, что размер пенсии по инвалидности выше размера пенсии по старости и вносит весомый вклад в доходы домохозяйств инвалидов.

Наиболее тяжелую инвалидность первой группы (неспособность к самообслуживанию, самостоятельному передвижению и т.п.) имеют менее 1% респондентов, выше эта доля только среди мужчин пенсионных возрастов. Респонденты трудоспособного возраста, имеющие вторую группу инвалидности, сконцентрированы в Рязанской области (6,1% среди мужчин). Вероятнее всего, это можно отнести к выбросам выборки, т.к. группа достаточно мала по объему. Значительно выше доля инвалидов второй степени среди респондентов пенсионного возраста.

В целом, 10% респондентов в среднем по выборке отметили, что в их домохозяйстве есть человек, нуждающийся в постоянном уходе. Состояние здоровья инвалидов требует дополнительных медицинских расходов, одновременно с этим ограничивая экономическую активность других членов семьи, преимущественно

женщин. Поэтому наличие в домохозяйства инвалида следует рассматривать наряду с индивидуальными показателями здоровья.

Нами была построена комплексная переменная, учитывающая как плохое здоровье самого респондента (по самооценке и по факту инвалидности), так и наличие в домохозяйстве нуждающихся в уходе взрослых членов семьи. Выяснилось, что самые высокие риски попадания в число бедных приходятся на домохозяйства одиноких пенсионеров (47-57%).

В монородительских нуклеарных семьях к семьям с проблемами по здоровью относятся от 12 до 17%. Эта группа имеет очень высокие риски социальной уязвимости. Среди неполных семей, проживающих с другими родственниками, эта доля колеблется от 10 до 24%¹.

В контексте анализа влияния здоровья на социальное положение важно не только определить, в какой мере низкие показатели здоровья вызывают риски бедности и социальной уязвимости, но и то, является безупречное здоровье необходимым показателем успешности. У большинства респондентов с плохим и очень плохим здоровьем материальное положение низкое и ниже среднего (73,1% и 95% соответственно). Такая же ситуация у половины населения, оценившего свое здоровье как «удовлетворительное» и у 30% респондентов с «очень хорошим» и «хорошим» здоровьем. Чем выше самооценка здоровья населением, тем выше его материальное положение. Но нужно отметить, что безупречное здоровье не является единственным критерием высокого дохода, доказательством этого является то, что у одной трети респондентов этой категории низкий уровень благосостояния.

Распределение респондентов по наличию заболеваний, ограничивающих их в повседневной жизни и делающих их нетрудоспособными, в разрезе уровня благосостояния показывает, что большинство ответивших «да» имеют высокие риски попасть в категорию населения с материальным положением ниже среднего (39,8%). Низкий уровень благосостояния и ниже среднего составляют у этой категории 66,2%, лишь 8,6% - выше среднего и высокий. Большинство респондентов, отрицающих наличие ограничивающих в повседневной жизни заболеваний, относятся к категории населения со средним достатком (33,6%). 22,3% считающих так же к категории «выше среднего» и «высокий». Ограничения в повседневной жизни ведут к дополнительным хлопотам со стороны здоровых членов

¹ Столь высокие колебания связаны с неустойчивостью оценок по причине небольших размеров выборки.

домохозяйства, расходов на лечение и содержание. Наличие заболеваний, ограничивающих в обычной повседневной жизни, является еще одним фактором, влияющим на материальное положение респондентов. С одной стороны, если ограничение деятельности в связи заболеванием оформлено как инвалидность, то семья получает дополнительный доход в виде пенсии по инвалидности, который, возможно, покрывает расходы домохозяйства на инвалида. А если нетрудоспособность члена домохозяйства не подходит под категорию «инвалидность» (не все люди, имеющие заболевания, ограничивающие человека в повседневной жизни, могут считаться инвалидами), то пенсии по инвалидности не будет, соответственно семья не сможет восполнить все расходы. Наличие заболевания, ограничивающего человека в повседневной деятельности напрямую влияет на уровень благосостояния домохозяйства.

Еще одним подтверждением предыдущего вывода является распределение респондентов по наличию инвалидности в разрезе материального благополучия. Инвалидность – постоянная или длительная, полная или частичная потеря трудоспособности вследствие болезни или увечья. Данная категория людей является социально уязвимыми и это отражается в их материальном благополучии. 25,9% имеющих и 24,6% оформляющих в настоящее время инвалидность относятся к категории респондентов с низким уровнем благосостояния, 42,2% и 34,4% соответственно к группе с уровнем дохода ниже среднего. Доля респондентов, не имеющих инвалидность и относящихся по своему материальному благополучию к категориям «выше среднего» и «высокий» в два раза больше, чем у относящихся к инвалидам или оформляющих инвалидность. Состояние инвалидов требует постоянных расходов, времени других членов домохозяйств, однако пенсия по инвалидности вносит весомую долю в доходы домохозяйств. Чем тяжелее инвалидность, тем выше процент респондентов с низким и ниже среднего уровнями благосостояния. Процент инвалидов первой группы с высоким материальным положением и выше среднего довольно высокий (16,7%).

Анализ влияния здоровья на социальное благополучие показывает, что низкие, негативные показатели здоровья являются отрицательными факторами, влияющими на социальное положение населения. Наличие ограничений здоровья или инвалидности увеличивает риск бедности домохозяйств и снижает их уровень благосостояния. Но стоит отметить, что и наличие абсолютного здоровья не является показателем социального благополучия и высокого материального положения.

Здоровье влияет на уровень благосостояния населения, но не всегда является определяющим фактором.

1.4 Образовательный фактор социальной динамики

Образование является наиболее сильным фактором, определяющим интенсивность и вектор социальной динамики, благодаря тому, что достижение высокого уровня образования приносит «премию» в виде повышенного по сравнению со средним уровнем размера оплаты труда. Традиционно влияние образования на направленность и интенсивность социальной динамики изучается на индивидуальном уровне. Нашей же задачей будет исследовать данный феномен на уровне домохозяйств, что, с одной стороны, значительно более информативно, поскольку на доступ к обретению образовательного ресурса, безусловно, влияют семейные обстоятельства, то есть демографические характеристики домохозяйства, а с другой – труднее методологически. Для преодоления этих трудностей нами была разработана типология образовательного потенциала домохозяйства, использованная в ходе анализа эмпирической информации.

В соответствии с разработанной методологией, принята следующая классификация домохозяйств по уровню образовательного потенциала, учитывающая уровень образования взрослых членов, позволяет выделить следующие группы:

Домохозяйства с высоким образовательным потенциалом (30%). Все члены этих домохозяйств имеют или получают среднее или высшее профессиональное образование.

Переходный тип (35%). В домохозяйстве присутствуют люди с разным уровнем образования (кто-то из живущих вместе членов семьи имеет или получает среднее или высшее профессиональное образование). Это, как правило, домохозяйства, в которых живут несколько поколений: размер такого типа домохозяйств существенно больше, чем в среднем по выборке – 3,2 человека.

Домохозяйства с низким образовательным потенциалом (35%). Все члены этих домохозяйств имеют образование не выше общего среднего или начального профессионального.

Определяющим территориальным фактором, дифференцирующим образовательный потенциал, является не регион, а тип поселения. Так, в сельских населенных пунктах доля домохозяйств с низким образовательным потенциалом достигает почти половины семей – 47,4%, тогда как высоким образовательным

потенциалом обладает только каждое пятое домохозяйство. С другой стороны, в областных центрах соотношение совершенно иное: низким образовательным потенциалом обладают 28,6% домохозяйств, а высокий потенциал у каждой третьей семьи.

Еще сильнее образовательный потенциал домохозяйства зависит от возраста «ядра» семьи, а также от размера домохозяйства. Самый высокий образовательный потенциал – в семьях среднего возраста, которые чаще живут самостоятельно: в этой группе практически каждая третья семья – с высоким потенциалом. Семьи молодых чаще относятся к промежуточному типу (43,9%), поскольку в таких семьях чаще живут с родителями, размер домохозяйства больше, и в нем сосуществуют люди с разным уровнем образования. Самый низкий образовательный потенциал – в семьях пожилых, в этой группе 45,3% принадлежит к семьям с низким образовательным потенциалом.

Размер домохозяйства значительно влияет на уровень образовательного потенциала. Среди домохозяйств с его высоким уровнем преобладают либо «одиночки», либо семьи, в которых 2-3 члена. Промежуточная группа - это, как правило, семья, в которой живут два поколения, в ней 3-4 и более человека.

Итак, мы можем описать преобладающие социально-демографические характеристики домохозяйств с разным уровнем образовательного потенциала:

Домохозяйства с высоким образовательным потенциалом – это городские семьи с небольшим количеством членов, чаще среднего возраста. Это могут быть одиночки, бездетные пары, матери с детьми, либо ядерные семьи «мама-папа-ребенок».

Промежуточная группа – это городские многопоколенные семьи. Нередко – молодая семья, живущая с родителями.

Домохозяйства с низким образовательным потенциалом. Это, как правило, пожилые домохозяйства – одиночки или пары, реже – семьи с детьми, либо многопоколенные семьи. Чаще живут в сельских населенных пунктах.

Итоговая оценка уровня доходов домохозяйств с разным образовательным потенциалом позволяет заключить, что минимальный образовательный потенциал связан с низким уровнем благосостояния. В то же время высокий образовательный потенциал не означает существенного превосходства в уровне благосостояния: обеспеченность таких семей лишь незначительно превосходит показатели семей

«промежуточного» типа. Каждое четвертое домохозяйство в этих группах характеризуется благосостоянием выше среднего или высоким.

Рисунок 3 - Интегральная оценка уровня благосостояния домохозяйств с разным образовательным потенциалом

Образовательный потенциал существенно влияет на экономический статус домохозяйств, но он действует в контексте других факторов, крайне значимым среди которых является тип населенного пункта, в котором проживает семья. Городские поселения, и особенно, областные города, в которых преобладают семьи с высоким образовательным потенциалом и семьи переходного типа, предоставляют гораздо больше возможностей для повышения материального и имущественного положения, по сравнению с сельскими населенными пунктами, в которых сконцентрированы семьи с низким образовательным потенциалом.

1.5 Занятость как условие социальной динамики

В рамках исследования был рассчитан показатель уровня занятости в домохозяйстве. Был рассчитан показатель уровня занятости в домохозяйстве, то есть соотношение всех занятых членов домохозяйства ко всем, проживающим в домохозяйстве взрослым старше 15 лет. В более чем половине домохозяйств заняты половина взрослых членов или менее – в 24,6% из них работают менее четверти взрослых, а в 26,1% – от четверти до половины. В каждой десятой семье работают от половины до трех четвертых членов старше 15 лет. Наконец, две пятых части семей (38,5%) имеют наивысший уровень занятости – свыше 75%, причем, как было

показано ранее, в подавляющем большинстве из них работают все взрослые проживающие члены.

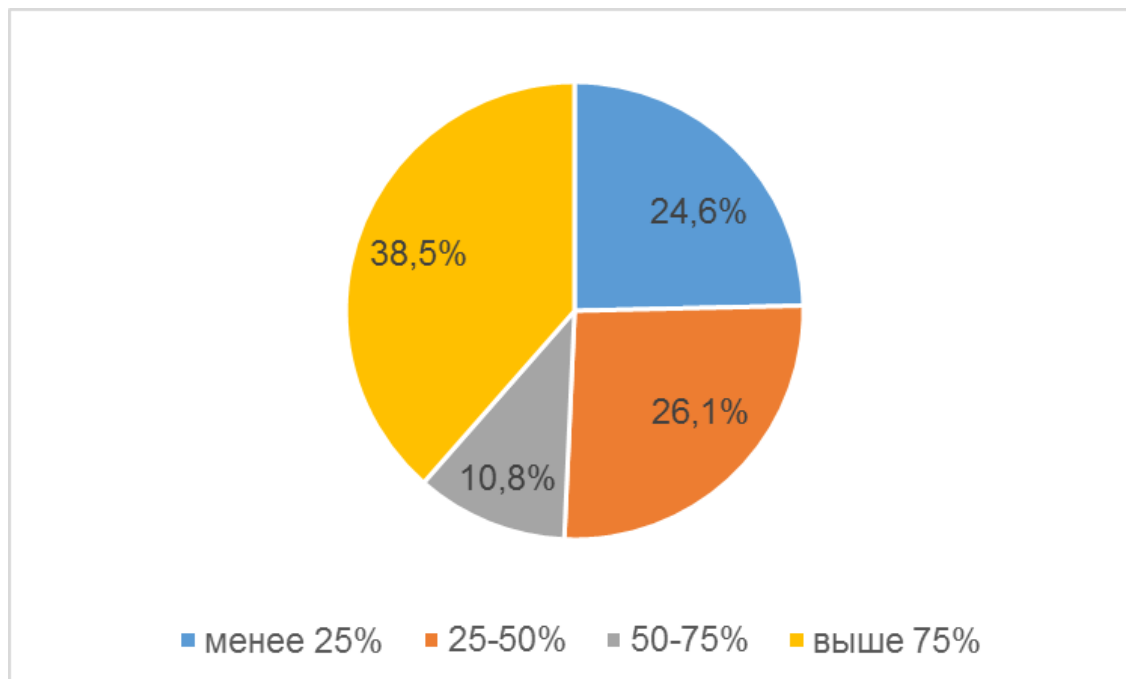

Рисунок 4 – уровень занятости в домохозяйстве, %

Более 70% домохозяйств, в которых уровень занятости ниже 25%, имеют уровень благосостояния низкий или ниже среднего. Для сравнения, в группе домохозяйств, в которых работают от четверти до половины взрослых, эта доля составляет уже 50%. А в тех семьях, где заняты более половины взрослых членов – уже 38%. Напротив, с увеличением уровня занятости, семьи все чаще попадают в группу со средним уровнем благосостояния, хотя распределение гораздо более равномерное, чем в случае с высоким и низким уровнями благосостояния, но, тем не менее, если при уровне занятости менее 25% доля семей со средним благосостоянием составляет 23,4%, а в следующих группах растет на 10% и более.

Уровень благосостояния высокий и выше среднего наблюдается всего в 6,4% домохозяйств, где занято менее четверти членов, в семьях с уровнем занятости 25-50% - уже 18,1%. В домохозяйствах, где работают более половины людей старше пятнадцати лет более четверти имеют благосостояние выше среднего.

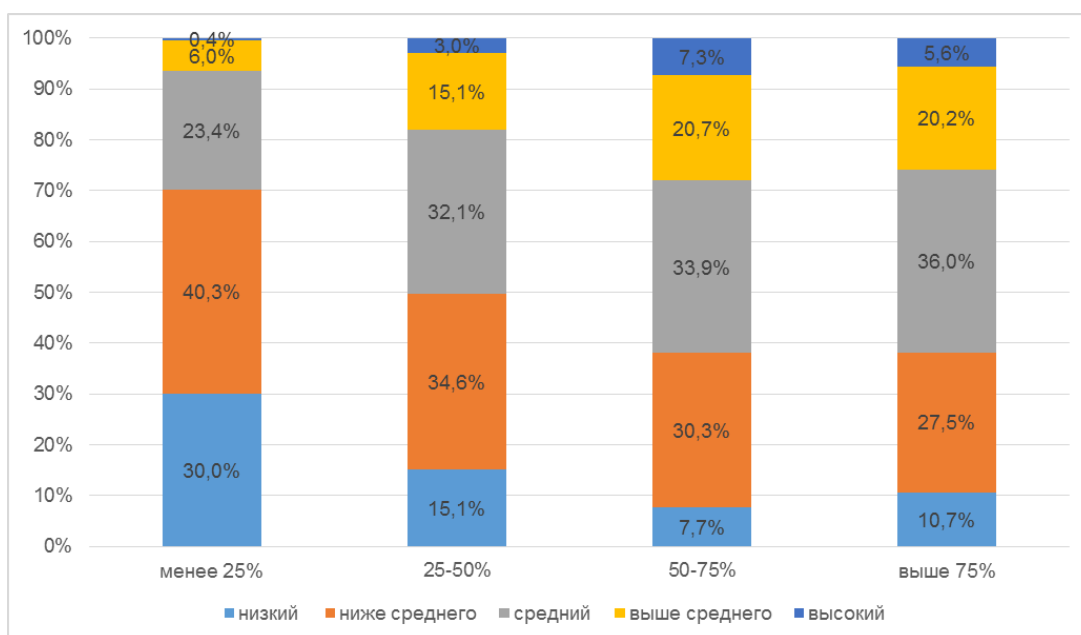

Рисунок 5 – Зависимость благосостояния домохозяйств от уровня занятости, %

Если рассмотреть взаимосвязь уровня благосостояния домохозяйства от уровня занятости с другой стороны, зависимость становится еще более очевидной. В семьях с низким уровнем благосостояния 45,4% составляют те, в которых уровень занятости менее 25%. Для сравнения, в домохозяйствах с уровнем благосостояния ниже среднего эта доля чуть менее трети (30,2%), а в тех, где уровень благосостояния средний – 18,2%. В семьях с благосостоянием выше среднего и высоким доля тех, где занятость ниже 25% составляет, соответственно, 9,5% и 2,6%.

Уровень занятости от 25% до 50% наблюдается в четверти семей с уровнем благосостояния чуть ниже и чуть выше среднего, и чуть выше среди семей с благосостоянием ниже среднего и средним.

Доля семей с уровнем занятости от 50% до 75% растет от 5,1% среди домохозяйств с низким уровнем благосостояния до 20,5% - в тех, где уровень благосостояния высокий. Точно также растет и доля семей с наивысшим уровнем занятости – выше 75% - от четверти (25,3%) в домохозяйствах с низким уровнем благосостояния до 43,8% - со средним и 56,4% - с высоким.

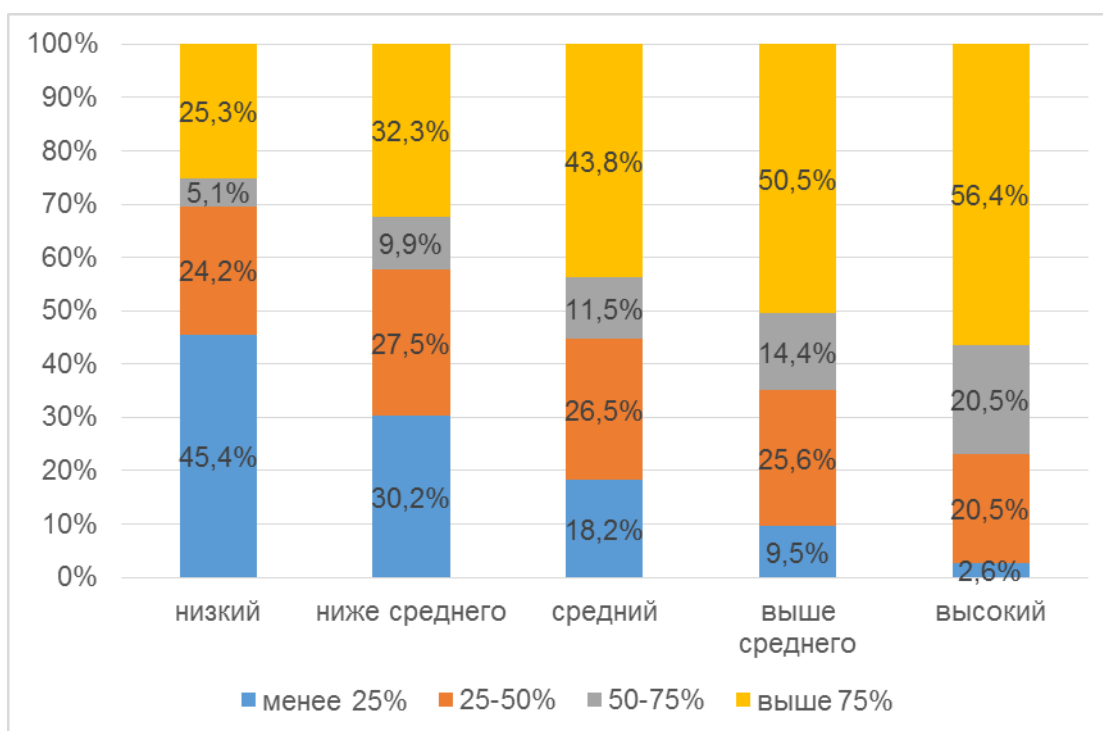

Рисунок 6 – Зависимость благосостояния домохозяйств от уровня занятости, %

Анализ зависимости уровня занятости и уровня благосостояния в домохозяйстве по типу поселения показывает некоторые различия. Так, в областных центрах значительно ниже доля семей с уровнем занятости менее 50%, имеющих низкий уровень благосостояния (64,2% против 72,6% и 72,9% в городах и сельской местности соответственно). В целом, зависимость уровня занятости и уровня благосостояния в домохозяйствах в сельской местности несколько ниже, чем в областных центрах и городской местности. Так, если в городах и областных центрах доля семей с уровнем занятости выше 75%, имеющих высокий уровень благосостояния составляет около 60%, то для сельской местности она находится на уровне всего 37,5%. Доля семей с тем же уровнем занятости, имеющих низкий уровень благосостояния гораздо выше в областных центрах (30,5%), в то время как в городской и сельской местности она чуть выше 20%. Доля домохозяйств, имеющих уровень занятости ниже 50% и уровень благосостояния ниже или выше среднего гораздо выше в сельской местности – 62,6% и 38,2%. Тем не менее, стоит отметить, что основные тенденции остаются неизменными для любого типа местности и различия между ними не являются значительными.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о существовании сильной зависимости между уровнем занятости и уровнем благосостояния в домохозяйстве, чем большая доля взрослых членов семьи

работают, тем выше шанс, что у домохозяйства будет более высокий уровень благосостояния. Существуют некоторые различия, если рассматривать этот вопрос в региональном и территориальном разрезе, но, тем не менее, основные тенденции остаются неизменными.

2 Домохозяйства в трудной жизненной ситуации

2.1 Подходы к исследованию феномена трудной жизненной ситуации

Анализ существующих подходов к оценке трудной жизненной ситуации (ТЖС) позволяет сделать вывод о фактическом отсутствии концептуальных оснований нуждаемости. Внимание сосредоточено на отдельных группах риска или факторах, которые могут привести к ТЖС в тех или иных случаях, но не на природе данного феномена.

Представляется целесообразным исследовать положение домохозяйств, имеющих риск ТЖС на основании концепции социального исключения. Такой подход позволяет увидеть, что представители разных целевых групп рискуют столкнуться со всеми основными проявлениями социального исключения – социальной и культурной изоляцией, экономическим исключением и исключением из рынка труда, а также институциональным исключением. Таким образом, уязвимость определяется не причастностью к определенной социальной группе, а наличием множественного неблагополучия и слабого ресурсного потенциала.

2.2 Возможности социальной защиты по работе с социально исключенными категориями

Ресурсы органов социальной защиты для работы с социально исключенными гражданами в Российской Федерации складываются из имеющейся в регионах инфраструктуры, кадрового обеспечения и наличия финансово обеспеченных социальных программ. Несмотря на предпринимаемые Российской Федерацией с середины 90-х гг. 20 в. усилия по выравниванию межрегиональных различий для обеспечения на всей территории страны государственных стандартов и гарантий, сохраняется высокая дифференциация регионов по бюджетной обеспеченности, которая приводит к разным стартовым возможностям территорий для предоставления населению мер социальной защиты.

Финансовые трудности регионов и регулярно проходящие кампании по оптимизации сети, в т.ч. реформа учреждений бюджетного сектора, привели в большей части субъектов Российской Федерации не к модернизации сети бюджетных учреждений, и реструктуризации услуг с вовлечением в процесс третьего сектора и бизнеса, а к ее банальному сокращению и ухудшению

доступности ряда социальных услуг для населения. По данным государственного статистического наблюдения на 01.01.2012 г. оптимизация сети произошла в 23,2% субъектов Российской Федерации. Причем, только в Пермском крае произошла реальная реструктуризация услуг с выводом бюджетного сектора в систему автономных учреждений на государственный заказ и вовлечение иных поставщиков социальных услуг через систему связанных потребительских субсидий (ваучеров).

Другой проблемой развития социальных услуг является длительное время замороженный рост оплаты труда работников сферы социальной защиты, который привел к оттоку из системы квалифицированных кадров.

Законодательные новации последних лет, по мнению Правительства РФ, должны настраивать систему на повышение эффективности и результативности предоставляемых услуг, в том числе, за счет развития возможностей участия СОНКО в их предоставлении, а также стандартизации услуг и вовлечения общественности в управление ими. Так, например, субъекты Российской Федерации и органы местного самоуправления, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации №151 от 26 февраля 2014г., должны принимать свои нормативные правовые акты о перечне государственных (муниципальных) услуг, оказываемых государственными и муниципальными учреждениями и иными юридическими лицами за счет средств субъекта Российской Федерации или муниципального образования. Данные перечни, наряду с утвержденными стандартами услуг должны упростить внешний независимый контроль услуг, обеспечить возможность негосударственному сектору подготовиться и спланировать свое участие в последующих конкурсах на их закупку. Вместе с тем, анализ сайтов региональных органов власти показывает, что этот процесс движется в субъектах Российской Федерации не очень активно, а те, кто принял перечни государственных услуг, в том числе, в области социальной защиты, шли по пути установления традиционных категорий и обстоятельств, которые находятся в их поле зрения. Не дана возможность гибкого изменения перечня услуг с учетом реальных потребностей клиентов, которым могут быть нужны совсем иные услуги из имеющегося перечня, а не те, которые за ними закреплены².

² О перечне государственных услуг, оказываемых государственными учреждениями, иными юридическими лицами и финансируемых за счет средств бюджета республики Татарстан: постановление КМ РФ от 24 апреля 2009 г. № 271 (в ред. постановления КМ РФ от 14.11.2013 № 873)

2.3 Инновационные технологии социального обслуживания

Стандартизация услуг

Принятие порядков, административных регламентов и стандартов услуг социального обслуживания, позволяет обеспечить нормативное финансирование услуги и надлежащий контроль ее качества (практика Пермского края). В дополнение к ведомственным стандартам социального обслуживания Томская область приняла межведомственные стандарты: в области постинтернатного сопровождения и сопровождения замещающих семей. В остальных пилотных регионах (кроме Псковской области) также имеются стандарты социального обслуживания, но они приняты несколько лет назад и требуют обновления, в том числе с учетом разрабатываемых в настоящее время и принимаемых административных регламентов предоставления социальных услуг.

Профилактика социального неблагополучия: «телефон доверия» и участковая социальная служба

Технология «телефона доверия» в крупном масштабе на территории ряда регионов введена на грантовые средства Фонда поддержки детей в трудной жизненной ситуации еще в 2009г. Однако эта технология не позволяет осуществлять пролонгированную работу с кризисной семьей, так как помощь оказывается на условиях анонимности. Она позволяет снять остроту проблемы, но не обеспечивает выход из трудной жизненной ситуации.

Практика создания участковой социальной службы в регионах различается. В Казани этот функционал налагается на существующих специалистов по социальной работе, закрепленных по территориальному принципу. В Пскове и в Саратове - это отдельное подразделение органов социальной защиты со своим штатом, функционалом и расчетной нагрузкой. Участковая служба Псковской области работает в сельской местности. В Челябинской области специалисты также отмечали низкую возможность доступа специалистов органов социальной защиты в семьи, где наметилось социальное неблагополучие, и, таким образом, сниженную возможность профилактики. Другой проблемой в части введения технологии участковой службы, отмеченной в Челябинской области, является отсутствие федеральных или приемлемых региональных нормативов нагрузки на социального участкового. Во всех регионах это сделано «навскидку», по аналогии, например, со здравоохранением или какими-то аналогичными службами.

Социальное сопровождение

Система социального сопровождения была изначально настроена не только на ведение конкретного случая, но, и на профилактику, раннее выявление социального неблагополучия.

В помощь кураторам для работы с неблагополучными семьями были приняты межведомственные стандарты по социальной реабилитации таких семей, включавшие такие услуги как реабилитационный досуг, социальная гостиная, домашние помощники. Реабилитационный досуг - эта услуга была направлена на вовлечение детей из семей в трудной жизненной ситуации в досуг в каких-то учреждениях дополнительного образования. Что касается социальной гостиной, этот стандарт был направлен на сохранение ребенка в образовательном пространстве. Формировались группы, куда входили дети, как и из обычных семей, так и из семей социального риска, которые работали при школах, как правило, в свободное от учебы ребенка время. И там, кроме того, что были психологические услуги, была работа, связанная с повышением уровня, качества знаний, другие реабилитационные мероприятия. Помимо этого была введена услуга «домашнего помощника» - помощь семьям в организации быта, индивидуальные тьютеры для семьи (тьютер сопровождал ребенка в образовательном пространстве, как правило, у детей из семей группы риска очень большие пробелы в образовании).

Технология социального сопровождения в Томской области позволила в 3 раза сократить стационарные места в специализированных учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей (с 540 мест до 180). Такая оптимизация в последующем, когда закончились грантовые деньги, позволила найти средства на поддержание службы социального сопровождения. Сейчас эта технология, в рамках общего бюджетного финансирования, упростилась: нет специальных домашних помощников и тьютеров, есть только куратор случая, но он может подсказать что-то по ведению хозяйства, и может привлечь, например, учителя к сотрудничеству с целью устранения недочетов в образовании. Практически вся услуга осталась, но нет такого четкого функционального разделения и нет такого количества людей.

Любая управленческая технология в режиме самонастройки работает только тогда, когда она замкнута в систему. Стоит ее разорвать, происходит сбой на той или иной стадии технологической цепи.

Постинтернатное сопровождение

Одной из форм социального сопровождения, которая развивается сегодня в разных регионах страны, является постинтернатное сопровождение выпускников

домов интернатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Сопровождению подлежат выпускники от 18-ти до 23-х лет - молодые люди с высокой степенью инфантильности. Конечно, данная технология является лишь слабым отображением классической технологии социального сопровождения, т.к. не предполагает междисциплинарного ведения случая, хотя, отдельные элементы технологии соблюдены: на каждого разрабатывается программа индивидуального сопровождения, обозначается в какие сроки, какие меры должны быть приняты (например, оформление и получение жилья, трудоустройство). Сопровождение осуществляет специалист детского дома или органов опеки, в зависимости от того, как они поделили между собой полномочия. Контроль идет по факту: есть, например, в программе пункт, что нужно отметить в центре занятости для того, чтобы подобрали вакансию, контролируется: сходил - не сходил, отметил - не отметил. Но, специалисты органов опеки пытаются сейчас перестроить систему, чтобы приблизить технологию к первоначальной задаче: не просто выполнять контрольную функцию, а выводить выпускников на самостоятельность.

Социальный контракт

Технология социального контракта активно продвигается в Пермском крае, который отработывал еще прообраз данной технологии – программу «самообеспечение» в 2003-2005гг. и в Томской области, где договорные отношения с целью предоставления социальной помощи малоимущим семьям практикуются также достаточно давно. Первоначально это были простые договоры, например, на приобретение продуктов питания, одежды для детей и т.п. После выхода в 2009 году закона о социальных контрактах область приняла их, как дополнительную технологию, и не упразднила старые двусторонние договоры. Разница – в субъектах отношений и сложности вопроса. Если вопрос простой, решается в рамках двусторонних договоров: клиент – центр социальной поддержки населения. Если требуется межведомственное вмешательство, включается специально созданная комиссия по межведомственному взаимодействию (в составе: представителей соцзащиты, образования, здравоохранения, правоохранительных органов, культуры и физкультуры, общественности, др.), и с гражданином заключается социальный контракт. Законодательством Томской области такие межведомственные комиссии созданы при всех муниципальных образованиях. Возглавляет их глава муниципального образования (или его заместитель).

Первичная подготовка документов, предварительная работа, выход на место, бытовое изучение, сбор справок о доходах, готовит для членов комиссии сотрудник социальной защиты. Затем собирается районная межведомственная комиссия и обсуждается возникшая проблема. Жизненная ситуация всесторонне изучается, уточняется есть ли необходимость в участии еще каких-то органов, и принимается решение об оказании помощи. Далее служба сопровождения ведет эти социальные контракты до конечного результата. В других регионах технология социального контракта пока плохо продвигается. Однако данная технология, несмотря на эффективность в отдельных случаях, имеет свои ограничения. Она работает только в тех случаях, когда у семьи есть хоть небольшой социальный потенциал, желание выйти из сложившейся ситуации. На сегодня все регионы, включая пионера в применении технологии – Пермский край – сталкиваются с тем, что спустя оговоренный социальным контрактом период семьи не сохраняют накопленный в ходе участия в программе потенциал, а возвращаются к исходному состоянию и вновь обращаются за социальной помощью.

Есть также проблема учета результатов технологии. Сводные статистические данные (сколько человек подписали контракт, сколько из них трудоустроено, сколько разрешили трудную ситуацию и т.п.) в департаментах не собираются. Другой проблемой является отсутствие каких-либо нормативов нагрузки на специалистов. Значимая проблема в практике межведомственного взаимодействия - отсутствие рычагов у органов социальной защиты повлиять на выполнение условий социального контракта другими участниками.

Комплексная работа с одинокими пожилыми

Особенность ТЖС в случае одиноко проживающего пожилого человека заключается в том, что ситуация не может кардинальным образом измениться, это выходит за рамки возможностей человека. Таким образом, ТЖС в этом случае носит не временный, а постоянный характер, а оказываемые со стороны системы социальной поддержки услуги могут только в определенной мере сглаживать ситуацию, но не вывести

Оказываемые сегодня услуги лишь в небольшой степени направлены на преодоление одиночества пожилого человека, а основная задача социальных работников в другом – принести продукты, при необходимости приготовить еду, убрать в квартире и т.д., т.е. выполнение действий, которые пожилой человек уже не в силах выполнять самостоятельно. Удовлетворение потребности в общении,

психологической поддержке уходит на второй план. В Томске есть пример оказания пожилым комплексной помощи силами междисциплинарной команды (кроме специалистов по назначению и выплате мер социальной поддержки, работают психолог и юрист).

Услуга «Мэри Поппинс»

В Томске есть ряд услуг для семей с детьми с ограниченными возможностями. Такие семьи, не чувствуя общественной поддержки и не получая поддержку от государства имеют риск отказа от ребенка и передачи его в социальное учреждение. Чтобы предотвратить такие случаи и помочь семьям, действует услуга «Мэри Поппинс», в рамках которой родителей обучают навыкам самим быть реабилитологами для своих детей, а также на какое-то время освобождают родителя для того, что у них было какое-то личное время.

2.4 Проблемы, требующие разрешения в целях развития системы социальной защиты и облегчения внедрения нового законодательства

Кадровое обеспечение функциональных возможностей социальной защиты, обучение кадров

Все обследованные пилотные регионы проблеме кадрового обеспечения социальной защиты уделяют серьезное внимание, но у ряда регионов существуют серьезные ресурсные и институциональные ограничения. Повсеместно отмечается, что социальные работники, как правило, не имеют высокой квалификации, хотя среди них попадаются люди и с высшим образованием. Но практики считают, что все равно очень жестким является подход новых профессиональных стандартов, требующих, чтобы специалистами по социальной работе были люди только соответствующей профессиональной специализации, имеющие профильное образование.

Добавила здесь проблем и произошедшая оптимизация учреждений, например: с упразднением отделений дневного пребывания во многих регионах в центрах социального обслуживания были сокращены должности психологов и реабилитологов. Психологи ушли в систему образования. Осталось незначительное число кадров в центрах по работе с семьей и детьми, но, во-первых, нагрузка у них итак высокая, во-вторых, они имеют узкую специализацию – детская и подростковая психология. При возникновении потребности в психологическом сопровождении

взрослых с проблемами (безработица, зависимости, внутрисемейные конфликты), или при оценке потенциала семьи для введения технологии соцконтракта, работать с этими группами некому.

Риском для внедрения новаций нового Федерального закона о социальном обслуживании является то, что даже в самых продвинутых, с точки зрения подготовки кадров, регионах не готовятся кадры для работы со специфическими группами социальной депривации – бывшими заключенными, семьями с нарко и алкоголезависимыми членами, бездомными.

Оказание социально-медицинских услуг

В связи с принятием нового Федерального закона о социальном обслуживании стационарные учреждения социального обслуживания, которые предоставляли клиентам регулярную медико-санитарную и специализированную медицинскую помощь по показаниям (психо-неврологические интернаты, дома-интернаты для престарелых, интернаты для детей-инвалидов) и реабилитацию лишаются права на осуществление медицинской деятельности. По-видимому, при согласовании законопроекта о социальном обслуживании с профильными министерствами возникли методологические разногласия по поводу содержания медико-социальных услуг, услуг реабилитации и оздоровительных услуг, в которых победила точка зрения министерства здравоохранения. Однако специалисты на местах, которые профессионально занимаются предоставлением медицинских услуг в психо-неврологических интернатах и реабилитационных услуг для инвалидов считают, что это будет большой ошибкой.

Высветился очень важный технический вопрос правильной организации медицинской помощи в стационарных учреждениях социальной защиты, который требует взвешенного, продуманного решения, чтобы не ухудшить качество имеющихся услуг, учитывая разную региональную специфику. По-видимому, этот вопрос лучше передать для решения на уровень субъектов Российской Федерации.

Межведомственное взаимодействие

Помимо технологии социального контракта, где используется межведомственное взаимодействие, можно сказать, что в других технологиях оно развивается только в направлениях, связанных с работой с детьми (семьями с детьми). В регионах отсутствует понимание, что новый федеральный закон об основах социального обслуживания не делает разделения на взрослых и детей в трудной жизненной ситуации при введении принципа межведомственного

взаимодействия при оказании комплекса услуг. Другой проблемный момент – разный уровень подготовки специалистов разных ведомств по работе с семьями, в том числе с кризисными. Необходимость в массовом обучении технологии вхождения в семью, коммуникабельности.

В действующих сейчас федеральных законах критерии объема услуг четко не разграничены. Например, в Федеральном законе о социальном обслуживании (в т.ч. новом) сказано, что на надомное обслуживание принимаются граждане, «частично утратившие способность к самообслуживанию», а на стационарное – «частично или полностью утратившие способность к самообслуживанию», т.е., «частично утратившие» могут быть и на дому, и в стационаре. В Минздравсоцразвития РФ придерживались позиции, что все зависит от желания гражданина. За много лет это привело к тому, что в домах-интернатах для престарелых находится около 40% граждан, которые могли бы обслуживаться на дому. Нечеткость формулировки законодательства приводит к тому, что здравоохранение не хочет брать на себя ответственность. Определение в ПНИ осуществляется врачебной комиссией, т.к. именно медики могут квалифицированно определить, насколько снижена у человека способность к самообслуживанию. Сейчас лечебно-профилактические учреждения здравоохранения дают заключения своей врачебной комиссии, где просто пишут, что у человека снижена способность к самообслуживанию. Эти заключения делаются очень поверхностно, у социальной защиты к ним очень много вопросов. Однако, по мнению чиновника министерства социальной защиты, проблема может быть смягчена, если будет укреплено межведомственное взаимодействие и решение о размещении человека в стационар будет приниматься коллегиально.

Одной из проблем технологии межведомственного взаимодействия является проблема разного уровня ведомственной подчиненности. Если межведомственное взаимодействие строится отдельно постановлением губернатора – на уровне региона, а постановлением главы муниципального образования – на территории муниципального образования, может возникнуть проблема соподчиненности: большинство из участников межведомственного взаимодействия на территории муниципального образования будут представлять территориальные органы государственной власти (здравоохранение, образование, социальная защита, УВД) и только культура, физкультура и спорт остаются в прямом подчинении глав муниципальных образований. При этом по разным субъектам Российской Федерации полномочия в этих сферах будут по-разному передаваться или не

передаваться на уровень муниципальных образований, поэтому главы муниципальных образований не будут иметь возможности организовывать межведомственное взаимодействие в таком формате самостоятельно, должна быть передача полномочий по координации межведомственного взаимодействия главам муниципальных образований постановлением губернатора.

Другая проблема, что социальные услуги четко регламентированы и всем участникам межведомственного взаимодействия удобно с ними работать, а для других субъектов межведомственного взаимодействия участие в работе социальных служб – это фактически работа на общественных началах, дополнительная нагрузка. Именно поэтому работа строится не на основании законов и соглашений, а только на личных контактах. Ситуацию могло бы исправить дополнение в законодательство и в регламенты работы других ведомств с закреплением соответствующего финансирования.

Перспективы технологии социального сопровождения

Появились первые ростки работы по модели социального сопровождения, но процесс идет очень медленно. Органы опеки отмечают, что численность штата катастрофически мала для того, чтобы выполнять социальное сопровождение, которое вводится новым законом об основах социального обслуживания. Другая проблема, что каждый отдел выполняет свою строго ограниченную регламентами и стандартами функцию, не сопоставляя свою часть работы с общей работой, которая проводится с домохозяйством. Органы опеки и органы социальной защиты получают информацию о неблагополучии в семье слишком поздно, когда ни семья, ни специалисты опеки или социальных служб не видят возможности вывода домохозяйства из ТЖС.

Сертификаты на получение реабилитационных услуг

Для расширения возможности самостоятельного выбора потребителем учреждения для получения реабилитационных услуг для инвалидов и расширения конкуренции в этом секторе, в Пермском крае используется новая технология предоставления сертификата на оказание реабилитационных услуг. Данная технология позволила развивать реабилитационные услуги там, где для этого реально есть хорошая база. Проблема технологии: сертификат выдается один раз в год, на практике оказалось, что при разных заболеваниях и травмах подход должен быть более гибким, где-то надо пройти процедуры несколько раз. Кроме того,

система сертификатов также введена для получения услуг по реабилитации наркозависимыми.

Приемные семьи для пожилых

В Пермском крае активно развивается технология «приемная семья для пожилого». Данная технология из всех пилотных регионов активно и эффективно заработала только в Перми (более 1000 приемных семей для пенсионеров). В других регионах эта технология пока не стала активно работать. У регионов разная бюджетная и кадровая обеспеченность, а здесь нужны не только выплаты семье (они небольшие), нужно, прежде всего, психологическое и юридическое сопровождение семей, т.к. возникает много вопросов по ходу проживания, которые невозможно заранее предусмотреть. Необходим общий федеральный закон о приемных семьях для пожилых, дающий преференции приемным семьям.

Повышение социальной ответственности нуждающихся в помощи - натуральная помощь «социальная картошка»

Данная технология в Томской области появилась как альтернатива оказания натуральной помощи (продуктовые наборы) малоимущим семьям и малоимущим гражданам. Социальная защита договаривается с сельскими поселениями о выделении участка земли, сельские поселения подготавливают землю для посадки, соцзащита собирает заявления и готовит группу желающих вырастить картофель, распределяет наделы земли по физическим возможностям заявителя, но не более 20 соток. Обеспечивает централизованный подвоз к месту посадки, затем централизованно привозят на подкормку и уход за посадками, а затем на уборку урожая. На момент исследования технология работала уже в течение 6 лет, и зарекомендовала себя как эффективная, т.к. желающих всегда больше, чем возможностей соцзащиты (принимают не более 1000 человек).

Распределение мест в дома для престарелых с учетом мнения общественности

Данная технология применяется в Пермском крае - прозрачность услуги обеспечивается через участие общественности в распределении мест в дома для престарелых.

Работа с одинокими пожилыми - «социальные комнаты» и школа «заботливые руки»

Из-за оптимизации социальной инфраструктуры в сельской местности наблюдается тенденция к снижению доступности к культурным услугам и

возможностей для коммуникации людей пожилого возраста и инвалидов. Социальная защита стала инициатором открытия «социальных комнат». Власть выделяет помещение: приобретает или арендует, а общественности предоставляет бесплатно для открытия социальной комнаты. Школа «Заботливые руки» действует с 2011 года. Это поддержка для родственников, ухаживающих за престарелыми и инвалидами. Именно эта категория людей находится вообще без помощи. Работу организует служба социальной защиты совместно с Центром медицинской профилактики, подведомственным Министерству здравоохранения. Два раза в год (зима и осень), набираются группы по 12 человек. Занятия строятся из 2 блоков – медицинский и психологический. Обучение - раз в неделю в течение 2 месяцев, от полутора часов и до того момента, когда у участников не закончатся вопросы.

2.5 Работа с освободившимися заключенными и бездомными

Проблемы и слабые места

Согласно типичному уставу учреждений для лиц без определенного места жительства они осуществляют следующие основные виды деятельности: санитарная обработка, первая доврачебная помощь, санитарно-гигиенические мероприятия, предоставление койко-места для временного пребывания или ночлега, организация питания, направление нуждающихся на лечение, содействие в обеспечении протезно-ортопедическими изделиями, оформление в учреждения социального обслуживания, содействие в назначении пенсий, содействие в трудоустройстве, содействие в оформлении документов, удостоверяющих личность, оказание разносторонней социальной помощи, в том числе юридических консультаций³.

Данная деятельность предполагает тесное взаимодействие с другими ведомствами и можно констатировать, что в целом взаимодействия между основными ведомствами выстроены и, как правило, закреплены соглашениями о сотрудничестве. Так как учреждения работают несколько лет, то за это время по многим направлениям сотрудничества с другими учреждениями (органами власти) сформировались личные контакты, облегчающие совместную работу. Можно констатировать, что учреждения являются посредниками, обеспечивающими доступ бездомных людей к основным услугам. Однако «шероховатости» при взаимодействии в отдельных направлениях сохраняются во всех регионах. Инициаторами соглашений о сотрудничестве являются органы социальной защиты

³ В качестве примера использован Устав ГКУ Оренбургской области «Центр социальной адаптации лиц без определенного места жительства «Феникс» в г. Орске

(или учреждения), но у них нет никаких рычагов влияния на их выполнение другими сторонами. Прежде всего, у других органов нет финансовой заинтересованности в работе с освободившимися заключенными и бездомными, а также нет законодательной регламентации обязанностей выполнять такую работу. Так как нет прямого закрепления конкретных обязанностей по работе с бездомными людьми, то в таких органах как пенсионный фонд, миграционная служба, служба занятости, служба социальной защиты формально контактируют с учреждением для лиц без определенного места жительства, стараясь максимально сократить свои временные затраты на данную работу, которая отвлекает от других закрепленных законами и регламентами обязанностей. Никаких поправок на ситуацию бездомности в этих органах не делают, а работают только в зависимости от факта предоставления документов, требующихся по регламенту. В результате возникают ситуации, когда человек не может выполнить бюрократические требования и даже центры социальной адаптации не могут оказать содействие человеку.

ЦСА являются центральным звеном государственной работы с бездомными людьми. При этом признание всеми участниками ведущей роли за ЦСА приводит к тому, что нет понимания общей работы с конкретным бездомным человеком. Каждый из профильных участников стремится к тому, чтобы сделать необходимый минимум и максимально передать работу с бездомными в центр, даже если речь идет о случаях, которые не попадают в рамки уставов социальных учреждений и порядков их работы. Например, во всех регионах сталкиваются с проблемой, когда в ЦСА из больниц стараются перевести людей, потерявших способность к самообслуживанию, хотя центры не рассчитаны на обслуживание такой категории проживающих. Фактически из системы работы с бездомными выпадает служба занятости. Свою роль в работе с бездомными служба занятости видит преимущественно в информационной работе, предоставлении списка вакансий обратившимся. То, что этого недостаточно очевидно, как для сотрудников, так и для получателей услуг центров социальной адаптации. За рубежом можно увидеть целый набор «лучших практик» в этой сфере, которые позволяют вернуть на рынок труда тех, кто из него выпал по причине бездомности⁴.

Финансовые ограничения

⁴ Ряд практик описан в обзоре «Программы по трудоустройству бездомных: опыт Европы и США», подготовленном Фондом «Институт экономики города» совместно с Православным Свято-Тихоновским университетом (<http://eslidomanet.ru/news/obzor-zarubezhnogo-opyta-trudoustrojstva-bezdomnyx-lyudej.htm>)

Финансирование учреждений не включает ряд расходов, которые на наш взгляд, могли бы расширить возможности наиболее социально уязвимых людей, а также способствовали бы более быстрому доступу к необходимым услугам, сокращая в некоторых случаях срок проживания, тем самым повышая экономическую эффективность учреждений. Так, например, не выделяются деньги на оплату госпошлины (и штрафов) для оформления паспорта проживающим в ЦСА. Задержка с оформлением паспорта в связи с отсутствием средств для оплаты госпошлины и штрафов может приводить к тому, что люди дольше остаются в стенах учреждения, что является намного более дорогим по сравнению с оплатой их штрафов. Не выделяются средства проживающим в ЦСА на проезд по городу и между городами в целях решения имеющихся проблем. Не выделяются деньги на проезд нуждающихся людей в другой регион (к месту жительства, к родственникам, в социальное учреждение), в том числе для обеспечения питанием в дороге. Также не выделяются средства на проезд сопровождающим (в случае инвалидов). В результате человек также проводит намного больше дней в стенах учреждения, что означает большие расходы регионального бюджета на данного человека. Надо отметить, что в ряде регионов вопрос решается через оформление материальной помощи в территориальных управлениях социальной защиты, где-то учреждения устанавливают связи с благотворителями.

В последние годы в сфере социального обслуживания внедряются платные услуги. В каких-то случаях это может быть оправданно, однако внедрение платности услуг центров социальной адаптации, на наш взгляд, несет очевидные риски исключения наиболее уязвимых нуждающихся.

Директора центров отмечают, что одна из характеристик дезадаптации проявляется в том, что люди теряют способность копить заработанные деньги, поэтому сотрудникам учреждения нужно прикладывать усилия, чтобы брать плату частями, как только человек что-то заработает. Оплата не составляет проблему только для пенсионеров и инвалидов, которым сотрудники ЦСА оформили пенсию. Пока пенсия не оформлена человек продолжает жить бесплатно (или может жить «в долг» и рассчитаться с получением пенсии).

Кадровые ограничения

Низкий уровень оплаты и специфика сферы приводят к сложностям с подбором персонала центров. При этом центры отмечают, что сильной текучки кадров нет, если человек сразу не уходит, то задерживается надолго.

Работа узких специалистов, таких как психологи и юристы, в рамках ЦСА обладает своей спецификой, обусловленной большим числом проживающих, которые часто меняются. В целом, все отмечают, что психологические услуги пока в центрах развиты слабо. Очень мало информации по методикам и техникам работы. Кроме того, психолог в рамках учреждения не может вести серьезную продолжительную индивидуальную работу, только разовые консультации и диагностики. В некоторых регионах пробуют проводить групповую работу (арт-терапия в Перми, группа для алкоголезависимых в Казани).

Юристы учреждений, как правило, консультируют по вопросам доказательства гражданства и редко содействуют бездомным в возвращении по суду жилья, в случае, если произошел какой-то обман риэлторами или родственниками. Кроме того, для решения юридических вопросов может понадобиться более длительный срок, чем время проживания конкретного человека в центре. Практик продолжения амбулаторной работы с человеком после того, как он покинул стены учреждения, в регионах нет.

Во всех регионах отмечают проблему распространенности людей с психическими отклонениями среди бездомных. Для людей, имеющих психиатрические отклонения, больше риск оказаться на улице при стечении неблагоприятных обстоятельств. Кроме того, сама бездомная жизнь может привести к психическим нарушениям. При этом с психиатрическими службами у социальных учреждений контакт довольно напряженный – врачи приезжают по вызовам, но редко забирают человека в больницу, так как человек при них начинает себя тихо вести. Если всё-таки забирают, то лишь на небольшой срок для купирования приступа. При этом сами люди, имеющие отклонения, не хотят добровольно обращаться за помощью врачей-психиатров, хотя, по мнению сотрудников ЦСА, многие нуждаются в постоянном наблюдении специалистов.

Еще более распространенная проблема среди бездомных людей – алкогольная зависимость. Зависимость в каких-то случаях является одной из причин попадания на улицу, в других сформировалась уже в ходе уличной жизни. Несмотря на распространенность проблемы алкоголизма среди бездомных сотрудники ЦСА не имеют специальных знаний и навыков работы с зависимыми людьми. Это приводит к конфликтам и срывам со стороны проживающих. Доступность услуг наркодиспансеров для бездомных людей невелика. Так, например, в Томске эти услуги бесплатны, но доступны только тем, у кого есть паспорт. В Челябинске

услуги наркодиспансера платные (платить должны сами проживающие), также необходим паспорт или его ксерокопия. Отмечается, что развита практика, когда человек устраивается работать в диспансер дворником, санитаром и т.д.

Демотивирующие условия проживания

Один из факторов, на наш взгляд, способствующих закреплению человека в состоянии бездомности и бесправности, это условия проживания, стандартно принятые в центрах. Во-первых, для отделений ночного пребывания ранний подъем (в 6-7 утра, например), к 8 все должны покинуть помещение. Вечером в 19.00 можно прийти обратно, пройти осмотр у медработника, помыться и попасть на кровать.

Во-вторых, отсутствие возможности хранить личные ценные вещи. В-третьих, как правило, трудоспособные люди обеспечиваются питанием только 1 раз в день, при этом во многих ЦСА готовить самостоятельно нельзя. В-четвертых, здания, не подходящие для инвалидов (среди пилотных регионов исключение составляет Казань, где центр недавно переехал в новое здание, полностью отвечающее потребностям инвалидов). Зачастую отделения для инвалидов располагаются на втором-третьем этажах без лифта, проходы узкие, ваннные комнаты и туалеты не имеют специального оснащения. Заметим, что в этих условиях оказываются люди после больниц, где они только-только лишились конечностей.

Ограничение срока пребывания

Уставами центров социальной адаптации, как правило, предусматривается ограничение сроков проживания в учреждении. Наиболее распространенные сроки – до 30 дней в году в отделениях ночного пребывания, до 3 или 6 месяцев в отделениях временного проживания (для нетрудоспособных). Сотрудники ЦСА отмечают, что в эти сроки не всегда удается оказать услуги центра, имея в виду обычно оформление документов (паспорта, инвалидности, пенсии). В этих случаях срок проживания продлевается. Для инвалидов 1 и 2 группы и пенсионеров срок проживания в случае отсутствия нарушений режима продлевается вплоть до перевода в дома для престарелых и инвалидов. А вот с трудоспособными гражданами ситуация сложнее. Для многих срок в несколько месяцев оказывается недостаточным для адаптации, реабилитации и ресоциализации. В итоге после выхода из учреждения на нет сводятся все усилия, как человека, так и специалистов. Главная проблема в том, что идти после выхода из учреждения, некуда.

Регистрация по месту пребывания по адресу ЦСА

Регистрация по месту жительства и месту пребывания продолжает оказывать существенное влияние на доступность реализации прав и получения услуг. В 2010 году было законодательно закреплено, что те, у кого нет регистрации, могут быть зарегистрированы по месту пребывания в учреждениях социального обслуживания по согласованию с администрацией учреждения⁵. Причем согласно данному постановлению зарегистрироваться могут даже те, у кого нет паспорта. В документе нет четких указаний, что человек обязательно должен проживать в учреждении. На практике в учреждениях за редким исключением регистрируют только тех, кто там реально проживает, поэтому для уличных бездомных, как и для «скрытых бездомных», т.е. тех, у кого есть возможность проживать в жилом помещении, но нет возможности в нем зарегистрироваться, проблема не снимается. Регистрацию тем, кто не проживает в учреждении, оформляют только в исключительных случаях, согласованных с вышестоящими органами, так как это может стать причиной санкций со стороны проверяющих организаций, прокуратуры. При этом достаточно много ситуаций, в которых граждане обращаются за регистрацией по месту пребывания в ЦСА, так как зарегистрироваться по другому адресу возможностей нет, а без регистрации не получается реализовать права. Среди таких обращающихся могут быть: совершеннолетние воспитанники домов-интернатов, которым нужна регистрация на период оформления документов, чтобы реализовать право на жилье; матери несовершеннолетних детей для оформления пособия; инвалиды, которые живут у кого-то, но без регистрации для оформления инвалидности и льгот; те, кто не может сделать паспорт без регистрации, пройти ВТЭК (в Казани отметили данную сложность); освободившиеся заключенные, которым надо оформить документы, например, ИНН; приезжающие на заработки из других частей региона или страны (им, как правило, отказывают, хотя работодатели требуют регистрацию, несмотря на незаконность такого требования); те, кто раньше жил в учреждении, а теперь устроился на работу, снимает жилье, но не имеет регистрации. Обращающихся также консультируют о том, что им обязаны сделать регистрацию те, у кого они проживают, что это не повлечет за собой возникновения прав на собственность, чего могут бояться хозяева квартир. Кроме того, как правило, люди не хотят оплачивать коммунальные расходы на дополнительного человека и из-за этого отказываются регистрировать.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. N 688 г. Москва "О внесении изменения в пункт 24 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации".

Затрудненность прямого доступа к услугам без посредничества учреждений

Независимо от числа мест в учреждениях, на улицах будут продолжать находиться бездомные люди (постоянный приток новых людей; те, кто не знает куда обратиться; те, кто не верит, что кто-то может помочь; те, кто имеет детей и не хочет с ними разлучаться; те, кто не может справиться с алкогольной зависимостью; те, кто не смогут пройти медосмотр; те, чей срок проживания в центре уже закончился и т.д.). Для них закрыт доступ к каким-либо услугам, в том числе по причине отсутствия документов, направлений из учреждений и возможностей соблюдать личную гигиену. Кроме того, есть скрытые бездомные – те, у кого есть возможность проживать в жилом помещении, но нет возможности зарегистрироваться по месту жительства (или пребывания). Они не нуждаются в проживании в центре, но без регистрации и без посредничества социальных работников не могут получить нужные им услуги напрямую. Получается, что центр становится дополнительным порогом при обращении за услугой, которую должны оказывать по прямому обращению. Если человек не проживает в ЦСА (и в тех районах, где нет ЦСА), доступность получения услуг различных ведомств очень низкая из-за отсутствия у бездомного человека возможностей самостоятельно оформить документы. Таким образом, доступ к любым услугам определяется проживанием в ЦСА и закрыт для неинституционализированных бездомных.

Отсутствие необходимых услуг на улице и после выхода из учреждения (отсутствие социального сопровождения)

Органы социальной защиты не ведут уличную работу с бездомными в регионах России. Лишь в нескольких регионах помимо Москвы есть попытки преодолеть традиционный заявительный подход и выйти к целевой группе на улицу. В остальных случаях выезды носят единичный характер, осуществляются нерегулярно и по обращениям жителей или по распоряжению вышестоящих органов. Причем цель в данном случае «отработать обращение», отписаться, что был сделан выезд и зафиксировать отказ бездомного ехать в учреждение. Налаживание контакта и начало социальной работы с уличными бездомными без проживания в ЦСА не практикуется, хотя в приемных отделениях могут проконсультировать обратившегося человека, но для начала с ним социальной работы, например, по содействию в восстановлении паспорта предложат поселиться в центре. Планомерно начали выстраивать такую работу в Томске (см. подробнее в разделе «Положительный опыт»).

Ни в одном из регионов не выполняются новые правила ОМС, нигде медицинские полисы по ходатайству ЦСА без паспорта не делают. Это приводит к тому, что доступ к медицинским услугам существенно затруднен, в том числе к узким специалистам.

Большие проблемы в регионах с оказанием санитарно-гигиенических услуг уличным бездомным. Сейчас человек сначала принимает душ в ЦСА, а потом направляется в поликлинику сдавать анализы. При этом условий сделать доступный санпропускник для уличных бездомных на базе ЦСА нет. Также в ЦСА не работает дезкамера, так как условия не подходят и СЭС сразу остановит работу.

При попадании в ЦСА доступ к ряду услуг временно появляется – можно сделать документы, оформить пенсию и инвалидность, удовлетворить бытовые потребности (пища, душ, кровать, одежда), получить консультацию социального работника, психолога, юриста и пр. Однако по прошествии некоторого срока человек покидает учреждение (по собственной инициативе, из-за нарушения правил пребывания, в связи с окончанием регламентированного срока пребывания в учреждении) и вновь теряет доступ ко всем благам и услугам. Никакого дальнейшего сопровождения не оказывается ни в случае ухода обратно на улицу, ни в случае попытки самостоятельного проживания (поиска работы и съема жилья). Человек может оказаться в ситуации еще худшей, чем до попадания в учреждение. Всё это позволяет говорить о существовании в сфере работы с бездомными замкнутого круга вместо цепочки вывода человека из бездомности. Многие люди годами живут в этом замкнутом цикле – зимой в учреждении, летом на улице. Поэтому неудивительно, что многие бездомные не обращаются в учреждения и не считают проживание в них решением своих проблем. В то время как такая их позиция интерпретируется сотрудниками центров и обществом в целом как нежелание перемен и удовлетворенность уличной жизнью.

При этом грамотно организованная уличная работа (и амбулаторная социальная работа) позволяет решать такие важные задачи, как: оказание срочной помощи бездомным людям, по каким-либо причинам не находящимся в учреждениях; информирование бездомных людей об услугах и порядке их получения; повышение доверия государственным службам, формирование мотивации на изменение ситуации; выявление людей, недавно ставших бездомными.

Положительный опыт

В целом работа с бездомными людьми проводится значительная, взаимодействия между основными ведомствами выстроены. Центры работают уже на протяжении нескольких лет, за это время по многим направлениям сотрудничества с другими учреждениями сформировались личные контакты, облегчающие совместную работу. Налажены все контакты и нигде уже не удивляются обращению из ЦСА (или человека по направлению ЦСА), социальные работники помогают собрать, запросить, восстановить все необходимые документы для обращения за паспортом, за пенсией, за инвалидностью и т.д. Отметим, что в отдельных направлениях работы есть определенные проблемы, однако в целом доступ бездомных людей к услугам через ЦСА обеспечивается.

Положительный опыт работы с небездомными освобождающимися из мест лишения свободы (а также с теми, кто был осужден условно) есть только в Пермском крае, где действует служба сопровождения, занимающаяся исключительно содействием в решении проблем данной категории. В КЦСОН поступают списки освободившихся из ГУФСИН и социальные работники при необходимости совместно с участковыми полицейскими выходят по адресу проживания освободившегося человека и предлагают ему услуги службы сопровождения. Если человек соглашается, то с ним заключается договор, в рамках которого ему оказывается консультационная помощь кураторами службы, 2 консультации психолога и 2 консультации юриста. Договор заключается на 6 месяцев, в течение которых человек должен решить проблемы с документами и трудоустроиться. Помогая своим подопечным восстановить документы или найти работу, кураторы не только дают подробные направления («Такой-то кабинет, зовут Татьяна Ивановна, с такого-то по такое-то время работает, проехать нужно таким-то транспортом, там-то выйти»), но созваниваются со всеми другими ведомствами, куда направляют человека, и предупреждают о его приходе, объясняют сотрудникам других ведомств сложности ситуации человека, его особенности и т.д., облегчая процесс решения проблем.

Для многих бездомных людей, имеющих алкогольную зависимость, проживание в центре социальной адаптации невозможно без предварительного медикаментозного лечения. Многие просто не обращаются по этой причине и сотрудники ЦСА их вообще не видят. В ряде регионов перенимают опыт РБОО «Ночлежка» по открытию в зимний период пунктов обогрева в больших палатках. Так, в Перми есть опыт открытия на базе ЦСА низкопорогового пункта обогрева

(палатки) для предотвращения обморожений уличных бездомных. Открытие пункта позволило познакомиться и получить информацию о более маргинализированных бездомных людях, которые не были готовы жить в ЦСА, но с радостью воспользовались возможностью ночевать в тепле в палатке. Они получили информацию о работе центра и его услугах, познакомились с сотрудниками. Возможно, по прошествии времени кто-то почувствует в себе готовность обратиться за их услугами. За 4-5 месяцев прошло через палатку 250 человек, из них впоследствии в центр поступило только 5 человек. Палатка фактически стала заменой «ночлежки» (отделения ночного пребывания). Однако есть и негативный аспект открытия такой палатки на территории ЦСА – ряд проживающих начинает общаться с уличными бездомными и начинает пить, соответственно, прекращает путь ресоциализации.

В Казани в работе с целевой группой также есть ряд положительных аспектов. Так, ЦСА только переехал в новое, большое здание, которое позволит значительно расширить работу с бездомными людьми, в том числе бывшими заключенными. На базе ЦСА была создана некоммерческая организация «Феникс», работа которой сосредоточена на освободившихся заключенных и на ВИЧ-инфицированных. Создание НКО позволило привлекать дополнительные средства в виде грантов. В рамках работы НКО сотрудники ЦСА ездят на обучение в другие города и страны, получая знания о современных подходах работы с социально исключенными категориями. Также на средства грантов создаются и публикуются различные информационные и методические материалы для отбывающих наказание в местах лишения свободы, готовящихся к освобождению.

В Казани и в Перми в ЦСА есть отделения для бездомных женщин с детьми и для женщин с детьми, пострадавших от насилия. Это положительный шаг в сторону работы с семьями без разлучения родителей и детей. В Перми бывают случаи, когда селят вместе целую семью, оказавшуюся без крыши над головой (например, семьи СОП, которых выселили без предоставления жилья, а также погорельцы). В Перми в отделение для женщин с детьми отдельный вход, а те, кто пострадал от насилия проживают в другом здании, в отдельном крыле общежития. В новом здании ЦСА Казани планируется открыть социальную гостиницу и семейное отделение.

Несколько слов можно сказать о работе с непроживающими в учреждениях. Во всех регионах налажены связи с городскими больницами, поэтому когда бездомный человек попадает в стационар, то сотрудники ЦСА выходят и начинают с

ним работать, восстанавливать документы и т.д. В Томске такие клиенты оформляются через отделение временного пребывания, где есть подразделение работы с не проживающими. Любой человек с улицы может прийти в отделение первичного приема и получить консультацию, но чтобы, например, сделать паспорт необходимо поселиться в учреждение. В Перми оказывают санитарно-гигиенические услуги уличным бездомным при обращении, а также консультируют в приемном отделении. В Казани при обращении тех, кто не нуждается в проживании, на них также заводится дело, заключается договор, но человек не получает «социально-бытовую услугу» по госзаданию, а все остальные консультации социального работника, юриста, психолога может получить. Исключение составляет Псков, где с не проживающими не работают, в больницах документами занимается штатный социальный работник больницы. Мобильная работа на улицах развивается в Томске, где сделали службу социальный патруль (по аналогии с московской службой). В службу обращаются равнодушные граждане и сотрудники выезжают по вызовам. Если вызовов нет, то раз в неделю осуществляется выезд в разные районы города.

В Томске в договоре с проживающим прописывается согласие на участие в общественных работах - уборка территории, а также участие в акции по посадке картофеля. Проживающие центра сажают и выкапывают картошку, которая идет на их питание. Кроме того, проживающие как добровольцы помогают центрам социальной поддержки – например, если надо перенести больного, проживающего где-нибудь на 5 этаже в больницу. В Казани в штате учреждения предусмотрена отдельная ставка инструктора по труду, который организует различные занятия для проживающих (бисероплетение, создание сувениров, игольниц, подушек, очечников, тапочек и т.д.). Планируется развитие своего подсобного хозяйства.

В пилотных регионах не берут штрафы с бездомных людей, восстанавливающих документы при содействии ЦСА. Средства на оплату госпошлины и фотографий для тех, кто не может самостоятельно заработать, оформляются в качестве материальной помощи через социальную защиту (Томск, Пермь, Казань) или помогают благотворители (Псков). В Челябинске сотрудникам приходится одалживать проживающим свои деньги, а потом возвращать их с первой пенсии.

В Казани проводится работа по грантам в колониях. Психологи и соцработники ЦСА выезжают в 3 колонии для консультации заключенных из тех целевых групп, у которых могут возникнуть проблемы при освобождении. Такая

работа, но не так регулярно проводится и в Челябинске, где психолог ЦСА раз в полгода ездит в несколько близлежащих колоний. Заключенные нуждаются в разъяснении услуг ЦСА, т.к. многие просто не знают о их существовании, некоторых отпугивает само название и что там работают с бездомными. Тюремные социальные работники не могут это как следует объяснить, они, как правило, с самими заключенными особо не общаются, а работают с документами.

3 Драйверы и барьеры экономической и социальной активности домохозяйств

3.1 Дифференциация домохозяйств по уровню ресурсообеспеченности и благосостояния

В соответствии с принятой методологией и на основании применения ресурсного подхода на данном этапе исследования нам предстоит дифференцировать домохозяйства по их ресурсообеспеченности.

В настоящее время концепция ресурсного подхода является одним из относительно новых подходов к анализу социальной структуры и социальной стратификации общества. Общая идея данного подхода состоит в том, что положение индивида или домохозяйства в социально-экономическом континууме определяется общим объёмом имеющихся у него ресурсов различных типов, а также их определенной структурой.

Особенность проведенного исследования состоит в том, что здесь внимание сосредоточено на ресурсообеспеченности не индивида, а домохозяйства, что создало определенные методологические трудности, которые удалось решить. Элементы ресурсного потенциала домохозяйства трактовались нами в расширительном смысле: мы не сводили ресурсы только к тем их видам, которые могут напрямую конвертироваться в экономический ресурс. Логика анализа состояла в выявлении тех составляющих общего потенциала домохозяйств, которые могут способствовать или, наоборот, препятствовать повышению экономической активности и, вследствие этого, занятию более благополучного положения в системе стратификации по уровню благосостояния. При этом, учитывая реалии современной России, элементы ресурсного потенциала не сводились также только к тем ресурсам, уровень которых может меняться в зависимости от накопления / расходования их самим домохозяйством (такие элементы ресурсного потенциала, как образование или здоровье), но были учтены также те составляющие, которые, не являясь

традиционной формой ресурсов / капиталов, могут оказывать значимое влияние на жизненные шансы домохозяйства и, тем самым, являются частью их ресурсного потенциала в широком его понимании (тип поселения и демографический состав домохозяйств).

Для классификации домохозяйств по уровню ресурсообеспеченности и благосостояния необходимо было выявить пограничные значений каждой из составляющих ресурсного потенциала домохозяйств, то есть значения, при которых явным образом изменяются шансы достижения сравнительно высоких (или, наоборот, низких) показателей благосостояния.

Составляющими ресурсного потенциала домохозяйств являются:

- Образовательный потенциал;
- Тип поселения, в котором проживает семья;
- Принадлежность к одному из демографических типов;
- Занятость взрослых членов домохозяйства;
- Потенциал здоровья семьи.

Характеристики каждого из ресурсов, которые подробно рассмотрены в предыдущих главах работы, выражены в дихотомии «позитивное - негативное», то есть способствующее достижению домохозяйством достаточно высоких стандартов уровня жизни, или, наоборот, существенно повышающее вероятность столкнуться с трудной жизненной ситуацией (см. табл. 6).

Таблица 6 - Характеристики составляющих ресурсного потенциала домохозяйств

Эффективное развитие ресурса	Неэффективное развитие ресурса
Образовательный потенциал	
Кто-то из взрослых членов имеет или получает среднее профессиональное или высшее образование	Никто из взрослых членов не имеет и не получает среднее профессиональное или высшее образование
Тип поселения, в котором проживает домохозяйство	
Город	Сельское поселение
Потенциал здоровья	
В домохозяйстве нет члена, имеющего проблемы со здоровьем	В домохозяйстве есть член, имеющий проблемы со здоровьем
Демографический тип	
Пара без детей и прочих родственников Пара без детей и с прочими родственниками Пара с 1 ребенком до 18 лет без родственников Пара с 2 и более детьми до 18 лет без прочих родственников Пара с детьми до 18 лет и с прочими родственниками Пара с детьми старше 18 лет Пара с детьми до и старше 18 лет Многопоколенная родительская семья с детьми до 18 лет и с прочими родственниками Прочие семьи	Одиночка трудоспособного возраста Одиночка пенсионного возраста Монородительская семья с детьми до 18 лет без прочих родственников Один родитель и один или два взрослых ребенка (старше 18 лет)
Занятость взрослых членов домохозяйства	
Более половины членов домохозяйства старше 15 лет имеют постоянную работу	Половина или менее членов домохозяйства старше 15 лет имеют постоянную работу

Из данных, приведенных в следующей таблице, видна значимость для домохозяйства наличия каждого из эффективно развитых ресурсов. Незрелость какого-либо из ресурсов или его «неэффективное развитие» (в случае, например, демографического типа семьи) сокращает шансы достижения высоких показателей благосостояния до 10-13%. При этом каждый из ресурсов, в развитии которого достигнут позитивный результат, «вытаскивает» домохозяйство в благополучные группы с вероятностью, превышающей 20%. При рассмотрении рисков оказаться в трудной жизненной ситуации или приблизиться к ней (показатели шкалы благосостояния «ниже среднего» и «низкий») ситуация полярна.

Необходимо также отметить сопоставимый (во многих случаях практически идентичный) уровень значимости каждого из ресурсов, как с точки зрения шансов достижения сравнительно высокого уровня благосостояния, так и в контексте рисков

оказаться в трудной жизненной ситуации. Вероятность достижения уровня благосостояния, превышающего среднее значение, составляет от 22% в случае проживания в перспективном населенном пункте до 26% при наличии соответствующего образовательного потенциала. Риски вхождения в полярные группы по уровню благосостояния в случае неэффективного развития каждого из ресурсов измеряется значениями от 65%-66% (ресурсы образования, здоровья и демографического типа семьи) до 58% в отношении типа поселения.

Таким образом, при рассмотрении значимости граничных показателей каждого из ресурсов, выделяются наиболее значимый, которым выступает образовательный потенциал, и наименее значимый – тип поселения. Однако следует еще раз подчеркнуть крайне малые различия, выявленные при сопоставительном сравнении составляющих ресурсного потенциала. Можно предположить существование в структуре ресурсного потенциала «компенсаторных механизмов», сглаживающих различия во влиянии различных элементов ресурсной структуры семьи (см. табл. 7).

Таблица 7 – Уровень благосостояния домохозяйств, характеризующихся позитивными и негативными значениями развития ресурсов, % по строке

Развитие ресурсов	Уровень благосостояния				
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Образовательный потенциал					
Эффективное	26,5	39,1	24,8	8,4	1,2
Неэффективное	10,2	29,0	35,7	19,6	5,4
Тип поселения					
Эффективное	22,5	35,2	29,2	11,0	2,1
Неэффективное	14,0	31,9	32,6	17,1	4,5
Потенциал здоровья					
Эффективное	26,6	39,3	24,5	8,5	1,2
Неэффективное	12,7	30,6	34,1	17,8	4,7
Демографический тип					
Эффективное	25,5	38,8	26,2	8,1	1,3
Неэффективное	12,1	30,1	34,1	18,7	5,0
Занятость членов домохозяйства					
Эффективное	22,4	37,4	27,9	10,7	1,7
Неэффективное	10,0	28,1	35,5	20,3	6,0

Распространенность эффективного развития ресурсов неоднородна. От 70% до 75% домохозяйств характеризуются позитивным развитием ресурсов здоровья, поселенческого типа и демографического состава семьи, а наиболее дефицитным является уровень занятости (см. табл. 8)

Таблица 8 – Распространенность эффективного развития ресурсов домохозяйств

Ресурс	Число домохозяйств, %
Образовательный потенциал	63,6
Тип поселения	72,1
Потенциал здоровья	75,1
Демографический тип	69,5
Занятость членов домохозяйства	50,2

Рассмотрим соотношения, в которых сочетаются развитые элементы ресурсного потенциала домохозяйств. Распределения достаточно однородны, можно отметить лишь некоторые особенности. Среди домохозяйств, имеющих развитый ресурс образования, наибольшее число семей проживают в перспективном поселении и характеризуются эффективным демографическим типом. В числе домохозяйств с развитым потенциалом здоровья наиболее распространен соответствующий уровень занятости (см. табл. 9).

Таблица 9 – Сочетание эффективно развитых ресурсов домохозяйств, % по строке

	Образовательный потенциал	Тип поселения	Потенциал здоровья	Демографический тип	Занятость членов домохозяйства
Образовательный потенциал		76,9	80,1	74,1	55,7
Тип поселения	67,9		75,6	68,5	52,8
Потенциал здоровья	67,8	72,6		71,4	59,9
Демографический тип	67,9	71,1	77,2		53,3
Занятость членов домохозяйства	70,6	75,8	89,6	73,7	

Большинство домохозяйств обладают хотя бы одним ресурсом, оценка развития которого является позитивной. Менее чем тремя такими ресурсами обладают около четверти семей, а максимальным набором – чуть менее 20% (см. табл. 10).

Таблица 10 – Количество эффективно развитых ресурсов

Количество ресурсов	Число домохозяйств, %
0	1,7
1	7,2
2	17,0
3	26,3
4	28,3
5	19,5
Всего	100

Группировка, в результате которой два низших значения объединены, позволяет зафиксировать структуру ресурсного потенциала (см. табл. 11).

Таблица 11 – Структура ресурсного потенциала домохозяйств

Тип ресурсного потенциала	Число домохозяйств, %
Минимальная ресурсная обеспеченность (0 – 1 ресурс с позитивным значением развития)	9,0
Ресурсная обеспеченность ниже среднего (2 ресурса с позитивным значением развития)	17,0
Средняя ресурсная обеспеченность (3 ресурса с позитивным значением развития)	26,2
Ресурсная обеспеченность выше среднего (4 ресурса с позитивным значением развития)	28,3
Максимальная ресурсная обеспеченность (5 ресурсов с позитивным значением развития)	19,5
Всего	100

Количество развитых ресурсов, определяющее тип ресурсного потенциала домохозяйств, существенным образом влияет на жизненные шансы (см. табл. 12).

Максимальная ресурсная обеспеченность с вероятностью более 10% обеспечивает вхождение в высокую группу благосостояния (в среднем по выборочной совокупности в эту группу включены менее 4% семей). Низкая и ниже среднего ресурсная обеспеченность не только исключает шансы достижения

высокого показателя благосостояния, но кардинально сужает возможности достигнуть уровня благосостояния, превышающего средний.

В случае минимальной ресурсной обеспеченности риск столкновения с трудной жизненной ситуацией (низкий уровень благосостояния) превышает 40%. При переходе к каждому следующему типу ресурсного потенциала положение домохозяйств становится заметно благополучнее, и уже среди домохозяйств среднего типа минимальный уровень благосостояния характерен лишь для 15% семей.

Таблица 12 – Уровень благосостояния домохозяйств в зависимости от типа ресурсного потенциала, % по строке

Тип ресурсного потенциала	Уровень благосостояния				
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Минимальная ресурсная обеспеченность	42,3	41,0	13,8	2,9	0,0
Ресурсная обеспеченность ниже среднего	27,5	42,1	23,6	5,8	0,8
Средняя ресурсная обеспеченность	15,8	36,0	34,0	12,4	1,9
Ресурсная обеспеченность выше среднего	9,3	30,5	35,9	19,8	4,4
Максимальная ресурсная обеспеченность	4,1	18,9	38,2	28,3	10,5

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Каждый из элементов структуры ресурсного потенциала (образовательный потенциал, ресурс здоровья, тип поселения, демографический тип семья, занятость членов семьи) имеет граничные значения, по достижении которых домохозяйство существенно увеличивает шансы вхождения в группы благосостояния выше

среднего и купирует риски нахождения в трудной жизненной ситуации. Значимость каждого из ресурсов, при рассмотрении пороговых значений их развития, практически идентична, что иллюстрирует наличие механизмов, посредством которых домохозяйства могут выстраивать относительно успешные практики на основе любого набора таких ресурсов и в значительной степени компенсировать «недостающий» ресурс любым другим.

Распространенность развитых ресурсов различна, что определяется их объективными сущностными различиями. В наименьшей степени распространен развитый ресурс занятости (около 50% домохозяйств), в наибольшей - перспективный тип поселения и потенциал здоровья семьи (более 70%).

По 26% домохозяйств обладают низким и ниже среднего ресурсным потенциалом (менее двух и два ресурса). Ресурсная обеспеченность 20% домохозяйств максимальна и включает в себя все пять эффективно развитых ресурсов.

Достигнутый домохозяйствами ресурсный потенциал (число эффективно развитых ресурсов) принципиальным образом определяет шансы как достижения высоких и выше среднего показателей благосостояния, так риски низкого уровня благосостояния. При этом, если дефицит ресурсов практически отсекает домохозяйства от достижения высокого благосостояния, то даже наличие полного набора развитых ресурсов лишь существенно сужает риски вхождения в малообеспеченные слои, но ничего не гарантирует.

3.2 Перспективы повышения экономической активности населения

Проведенный в предыдущем разделе анализ эмпирических данных о ресурсном потенциале российских домохозяйств и отдельных его составляющих убедительно демонстрирует наличие значимой взаимосвязи между ресурсным потенциалом и интегральным уровнем благосостояния домохозяйств. Особенно важно при этом отметить тот факт, что свою роль играют при этом все пять рассмотренных выше составляющих ресурсного потенциала домохозяйства – образование его членов, их занятость, демографические особенности семьи, здоровье и тип поселения. Каждый дополнительный ресурс, положительно влияющий на ресурсный потенциал домохозяйства, способствует переходу части из них в группу с более высоким уровнем благосостояния. При этом доля

домохозяйств, которые подвержены неблагоприятному воздействию каждого из этих факторов и на которые, соответственно, может распространяться соответствующая социальная политика, безусловно, различается – как было показано выше, наиболее распространено негативное воздействие здоровья как составляющей ресурсного потенциала домохозяйств – негативным значением этого показателя характеризуются $\frac{3}{4}$ всех домохозяйств. Далее по степени распространенности негативного воздействия составляющая потенциала, связанная с занятостью – негативный потенциал в этой области демонстрирует половина всех домохозяйств. Негативный образовательный потенциал охватывает чуть более трети домохозяйств (36%), демографический тип и тип поселения играют негативную роль для 30% и 28%, соответственно.

Изменение любого из этих показателей с негативного на позитивный, как убедительно показывают данные, приводит к значительному росту шансов домохозяйства на повышение уровня благосостояния. Именно поэтому, говоря о возможностях социальной политики, направленной на рост благосостояния и сокращение бедных и нуждающихся домохозяйств, необходимо обратить внимание на каждый из них, не ограничиваясь рассмотрением только непосредственного повышения дохода. Используя подобный комплексный подход, можно говорить о социальной политике, направленной на рост ресурсобеспеченности населения в целях повышения общего уровня благосостояния, сокращение зоны бедности и нуждаемости, снижения рисков попадания в сложную жизненную ситуацию для домохозяйств в современном российском обществе.

Показательно, что даже для наименее ресурсобеспеченного и неблагополучного населения подобные меры могут дать свой заметный результат. В этом контексте, говоря о наиболее благополучном населении, нужно вести речь не просто о материальной поддержке, направленной на поддержание минимально приемлемого уровня его существования, а о способах увеличения ресурсного потенциала неблагополучных домохозяйств для улучшения их жизненной ситуации. Изменение значения любой составляющей ресурсного потенциала с негативного на позитивное приводит даже в наиболее благополучной группе домохозяйств (имеющих не более одного позитивного индикатора составляющих ресурсного потенциала из пяти возможных), к росту их шансов оказаться среди имеющих благосостояние не ниже среднего с 16,7% до 30,2%.

Такая же динамика работает и для более ресурсобеспеченных групп: так, у имеющих максимальные значения ресурсного потенциала (пять положительных индикаторов) по сравнению с четырьмя, соответствующие шансы оказаться в группах с уровнем благосостояния не ниже среднего составляют 77% и 60,1% - это меньший, но, тем не менее, также значимый прирост. Обратим отдельное внимание и на качественный переход от наличия трех имеющих положительное значение составляющих ресурсобеспеченности к четырем – если в первой группе доля имеющих благосостояние не ниже среднего составляет еще менее половины, то во второй оно уже превышает половину. Таким образом, социальная политика, направленная на повышение ресурсобеспеченности домохозяйств, в той или иной форме применима ко всем группам российских домохозяйств – как к низкоресурсным, так и высокоресурсным. Естественно, конкретные ее направления и меры могут при этом значительно отличаться в зависимости от конкретной структуры ресурсного потенциала той или иной группы домохозяйств.

Итак, увеличение ресурсного потенциала – независимо от того, за счет какого именно элемента происходит его рост и к какой группе по уровню благосостояния изначально относится домохозяйство – приводит к повышению шансов домохозяйства оказаться в группах с более высокими показателями благосостояния. При этом различные составляющие ресурсного потенциала могут действовать в разной степени, но при этом их направление совпадает. Таким образом, для повышения экономического положения домохозяйства воздействовать можно на любой из них. При этом часть элементов ресурсного потенциала (занятость, здоровье, образование) могут изменяться под воздействием государственной социальной политики и представляют собой, тем самым, ее потенциальные объекты. На два других элемента ресурсного потенциала – тип поселения и демографическую структуру домохозяйства – воздействовать сложнее, однако их включение в анализ позволяет, во-первых, выделить «проблемные точки» и обозначить их локализацию; во-вторых, меры социальной политики в этом случае могут быть направлены не на изменение ресурсного потенциала в этих группах с «минуса» на «плюс», а на сглаживание негативных последствий для испытывающих негативное их воздействие, иными словами - выравнивание жизненных шансов. В частности, в этой логике могут работать меры, направленные на жителей села или семьи пенсионеров: не меняя сути того, что их место проживания или демографический состав семьи оказывает негативное влияние на их совокупный ресурсный потенциал, меры

социальной политики могут быть направлены на сглаживание этого негативного влияния и создание жизненных шансов, позволяющих компенсировать это воздействие (в том числе, за счет накопления других элементов ресурсного потенциала).

При этом действия домохозяйств на микроуровне по повышению своего ресурсного потенциала могут приводить и к изменению показателей макроуровня экономического развития страны. С другой стороны, макроуровень задает для населения определенные институциональные ограничения и «правила игры», в зависимости от которых они могут выстраивать свои дальнейшие стратегии. С этой точки зрения, для наиболее ресурсообеспеченных групп важным представляется создание возможностей для реализации их ресурсного потенциала – например, возможность использования полученного образования и получения для него соответствующей отдачи, результирующей для них в непосредственном повышении уровня жизни. Для наименее ресурсообеспеченных групп важно создание условий, позволяющих добирать необходимые им ресурсы, которые могут быть получены в результате их собственных действий (например, обеспечивать занятость членов домохозяйства) и сглаживание последствий тех ресурсных ограничений, которые сложнее скорректировать как самому домохозяйству, так и с помощью мер социальной политики (например, состав семьи).

Нужно сказать, что подход к повышению благосостояния населения через социальную политику, направленную на повышение ресурсообеспеченности домохозяйств, является, несмотря на свою логичность и обоснованность, относительно новым. Сама постановка вопроса в таких терминах встречается пока относительно редко. Тем не менее, именно такой подход может дать результаты и при решении задач борьбы с бедностью и расширения среднего класса, и при поиске путей сокращения неравенства.

Так, социальная политика, направленная на борьбу с бедностью, чаще формулируется в терминах адресной монетарной помощи бедным, что может позволить им поддерживать существование на грани физического выживания, но не способствует устранению структурных предпосылок бедности, а также предпосылок ее межгенерационного воспроизводства. При этом то население, которое существует на грани бедности, но пока не попадает непосредственно в число бедных, вообще обычно не является отдельным объектом социальной политики. Именно разработка мер, направленных на повышение ресурсообеспеченности как самих бедных, так и

тех, кто находится на грани бедности, могла бы являться направлением социальной политики, способствующим сокращению, как масштабов бедности, так и ее «зоны риска». Такая политика может быть направлена на повышение возможностей «добрать» те или иные ресурсы (такие как образование) или компенсировать воздействие негативных элементов ресурсного потенциала (например, проживание в определенном типе поселения, накладывающее свои ограничения на возможности накопления и реализации других видов ресурсов). Конкретные направления могут охватывать меры, связанные с рынком труда (создание рабочих мест в определенных сегментах рынка, помощь с трудоустройством для представителей групп риска); расширение возможностей доступа для получения образования; выравнивание жизненных шансов для различных групп, различающихся ресурсным потенциалом в силу особенностей типа поселения или демографического состава семьи. Такие меры могли бы способствовать и преодолению процесса межгенерационного воспроизводства бедности за счет создания возможностей для детей и молодёжи из бедных семей накопления ресурсов на начальных этапах их жизненного пути (образование, здоровье, занятость).

Этой логике частично следует трансформация подхода к анализу бедности и новое рассмотрение этой проблемы в рамках концепции эксклюзии, характерная для западных стран (концепция эксклюзии, однако, пока остается относительно новой для российского дискурса). Речь идет о том, что в новых условиях проблему представляет не бедность как нехватка доходов, а исключение части населения из продуктивных социально-экономических практик. Рост использования термина «социальная эксклюзия» при анализе проблематики бедности, начиная с 1980х годов (период экономических трансформаций, кризиса концепции государств благосостояния, возникновения новых социальных проблем, связанных с безработицей, изменением модели семьи и др.), означал изменение подхода к анализу бедности как таковой – замену вертикальной стратификации (определяющей позиции индивидов или домохозяйств в иерархически расположенных классах / стратах) горизонтальной, дифференцирующей население на инсайдеров и аутсайдеров в результате их дискриминации от институтов интеграции и ограничения прав, а не простого недостатка необходимых доходов⁶. Этот переход означал также расширение проблематики неравенства с чисто экономического понимания (неравенство доходов и уровня жизни) на многоаспектное, комплексное.

⁶ Abrahamson P. Combating Poverty and Social Exclusion in Europe // The Social Quality of Europe. Hague: Kluwer Law International, 1997.

Проблематика эксклюзии нашла свое отражение не только в научных работах – этот термин за рубежом прочно вошел и в политический дискурс. Показательно, например, как трактуется эта проблема Европейской Комиссией - рассмотрение бедности в совокупности с проблемой социальной эксклюзии, несводимость ее к уровню доходов, продвижение мер, направленных не только на минимальную финансовую поддержку бедных, но и их положение на рынке труда, образование, здравоохранение, жилищные условия⁷. В повестку дня стратегии Европа-2020 включена борьба с бедностью и эксклюзией как предпосылка устойчивого и стабильного общественного развития. На данных статистики 2011 года оценивается, что в ситуации риска бедности или социальной эксклюзии находятся 24% всего населения Евросоюза (120 миллионов человек) – при этом среди них 27% всех детей в Евросоюзе, 20.5% тех, кто старше 65 лет и 9% работающего населения. Показательно, что и здесь отсутствие работы в домохозяйстве используется как индикатор ресурсной депривации – отмечается, что 10% европейцев живут в домохозяйствах, где никто и членов не имеет работы⁸.

Отметим также в этой связи, что в эмпирических исследованиях эксклюзия операционализируется с помощью различных показателей и индикаторов. Часть из них традиционно относится к немонетарным показателям уровня жизни (отсутствие собственности, товаров длительного пользования, жилищные условия), часть – к доступу к рынку труда, включенности в политическую и социальную жизнь. Отдельным направлением исследований выступает при этом эксклюзия пожилых – для этой группы зачастую материальная помощь уже не играет ведущую роль, и меры по преодолению эксклюзии должны быть направлены на их вовлечение в социальную жизнь. Однако с точки зрения полученных нами результатов важна скорее даже не необходимость вовлечения пожилых в социальную жизнь общества, а поиск различных путей сглаживания негативного влияния их ресурсного потенциала, связанного с особенностями состава семьи, здоровьем и ограниченными возможностями по трудоустройству.

Таким образом, говоря о проблемах бедности и эксклюзии в России, необходимо учитывать не только низкий уровень дохода неблагополучных домохозяйств, но качественно иные имеющиеся у них ресурсы и возможности – иной тип занятости и доля занятых в составе семьи, особенности уровня образования членов домохозяйства, особенности типа поселения как структурное ограничение

⁷ <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=751>

⁸ <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=751>

востребованности того или иного образования и возможности того или иного типа занятости. Такая постановка вопроса также ставит в центр анализа ресурсообеспеченность домохозяйств и возможности ее повышения, меры стимулирования домохозяйств к накоплению ресурсов, а также меры, изменяющие структурные предпосылки, мешающие процессу накопления ресурсов. При этом экономическое понимание бедности и эксклюзии не элиминируется, но экономический ресурс (как причина бедности и как способ ее преодоления) дополняется и другими видами ресурсов, важных для анализа.

Аналогичная логика может быть использована и при разработке социальной политики, направленной на расширение среднего класса: говоря об укреплении и расширении среднего класса, недостаточно принимать во внимание только его уровень доходов. Занятие структурных позиций, соответствующих среднему классу, также связано с наличием определенных ресурсов (в частности, человеческого капитала, измеренного через уровень образования, а также характеристик занятости – возможности занятия определенных профессиональных позиций). Создание предпосылок для расширения среднего класса и укрепления положения его периферийных групп также могло бы стать направлением социальной политики, выстраиваемой через концепцию ресурсообеспеченности.

В рамках этого направления необходима работа по обеспечению эффективной занятости, а также стимулирование инвестиций среднего класса в образование – как собственное, так и своих детей (особенно с учетом высокой потенциальной готовности представителей среднего класса к подобным инвестициям при наличии соответствующих институциональных условий). Эффективная занятость выводит и на более широкую проблему – проблему социально-профессиональной структуры российской экономики и востребованности в ней высококвалифицированного труда. Что касается стимулирования повышений инвестиций среднего класса в его человеческий капитал, то здесь необходимо учитывать два аспекта: стоимость подобных инвестиций (и возможность государства влиять на эту стоимость и создавать институциональные возможности для их гибкой оплаты, схем страхования), а также отдачу от них. Отдача от инвестиций при этом связана со структурными особенностями (различающимися, в том числе, в разных типах поселений). Отдельным сюжетом могло бы выступать в этой связи создание стимулов для инвестиций среднего класса в свое здоровье как один из важнейших элементов ресурсного потенциала, а также разработка дополнительных схем и

возможностей для подобного инвестирования (через государственное софинансирование расходов на здоровье, льготные кредиты / рассрочки на добровольное медицинское страхование и др.). Таким образом, и в этом случае речь идет об укреплении положения социальной группы через воздействие на ресурсообеспеченность ее представителей.

Наконец, еще один сюжет, который надо упомянуть в связи с подходом к повышению экономического благосостояния населения через его ресурсообеспеченность – это проблема социальной работы. Эта сфера представляется пока недостаточно развитой в России, хотя задачи сокращения бедности (а, следовательно - повышения экономического благосостояния населения) и социального развития в зарубежной литературе часто связываются именно с социальной работой. Социальные работники, находясь в непосредственном контакте с населением, способны адресно решать конкретные задачи, стоящие перед теми или иными домохозяйствами в связи с индивидуальной, характерной именно для них структурой имеющихся и отсутствующих у них ресурсов, необходимых для поддержания приемлемого уровня жизни или его повышения. Если рассматривать проблему качества жизни не только с точки зрения доходов, но наличия и конкретной структуры ресурсного потенциала в целом, то разные домохозяйства, находясь в одной и той же группе по уровню благосостояния, могут обладать совершенно разной структурой этих ресурсов и испытывать необходимость помощи в накоплении или снижении негативного эффекта от отсутствия конкретных из них (соответственно, необходимая им помощь и социальная поддержка тоже будут абсолютно разными – от необходимости ухода за инвалидом до возможностей повысить свою квалификацию на курсах переподготовки, получив об этом необходимую информацию). В такой ситуации проблема не может быть решена путем монетарных выплат, так как они далеко не всегда могут быть трансформированы в необходимые элементы ресурсного потенциала. Адресная социальная работа при этом может способствовать решению конкретных проблем, точечной помощи в повышении ресурсного потенциала домохозяйства или снижении негативного эффекта от отсутствия некоторых его элементов – что будет, в итоге, приводить к повышению уровня благосостояния и преодолению сложных жизненных ситуаций. Кроме того, сама система социальной работа могла бы также обеспечивать занятость для тех, кому сложно вступать в конкуренцию на рынке

труда – например, для пенсионеров или молодых матерей, неготовых работать на полный рабочий день и др.

3.3 Поддержка социально исключенными категориями населения

Выше мы показали, что имеется группа домохозяйств с явным дефицитом ресурсов развития и, таким образом, с возрастающим риском попадания в трудную жизненную ситуацию. Такие домохозяйства вряд ли могут рассчитывать на улучшение своего положения за счет наращивания каких-либо ресурсов и становятся безусловным объектом социальной поддержки и социального обслуживания.

Уход из правового поля социального обслуживания термина «трудная жизненная ситуация» делает актуальным разговор о концептуальных основаниях социальной защиты. Ведущую роль в социальной защите (и социальной политике в целом) западных стран в последние годы играют взаимосвязанные концепции социального исключения и социального включения (вовлечения). Одним из вопросов, которые мы ставили в нашем исследовании - насколько данные концепции имеет смысл применять в России в качестве основы социальной защиты, как части социальной политики? Как показал анализ зарубежного опыта, концепцию социального исключения критикуют за непрозрачность и множественность трактовок, спор о различных аспектах, заключенных в этом понятии, не стихает уже в течение нескольких десятилетий. Как указывалось в главе, французская школа при интерпретации понятия «социальное исключение» идет от идей социальной солидарности и сплоченности (акцент - на разрыве социальных связей и важности практик общественного участия), англо-американская - от теорий социального неравенства (акцент - на неравном доступе к доходам и правам). Кроме этого, социальное исключение анализируют и с точки зрения состояния и процесса; и с точки зрения положения людей и сообществ; или как результат воздействия внешней среды (экономики, рынка труда, нарушения в социальных системах); или как недостаток ресурсов (капитала, перспектив /возможностей). Однако, на наш взгляд, можно выделить несколько ключевых характеристик социального исключения, от которых можно оттолкнуться при формировании предложений в концепцию социальной защиты России:

- многомерность состояния социального исключения (наличие множественных деприваций);

- процесс накопления деприваций, а не только состояние исключения;
- сочетание социальных и экономических (монетарных и немонетарных) аспектов жизни, субъективного опыта и объективных ситуаций;
- зависимость от доступных человеку личных и социальных ресурсов;
- относительная природа исключения (что важно для выделения социально исключенных индивидов, территорий и сообществ по сравнению с положением других индивидов, территорий и сообществ);
- институциональная природа исключения (выход за пределы ответственности отдельного человека).

Фундаментальными основаниями большинства Европейских программ преодоления бедности и социального исключения являются:

- интеграция: меры, непосредственно направленные на решение проблем, связанных с социальным исключением - низкое качества жилья, низкие доходы, плохое здоровье, низкий уровень образования и квалификации, нестабильная занятость, неравенство в реализации прав и т.д.;
- партнерство: как важная составляющая комплексного подхода к многомерной проблеме исключения;
- участие: разные формы и уровни общественного участия в принятии решений, разработке и реализации услуг, а также их оценке;
- территориальность: понимание, что преодоление исключения требует принятия как локальных, так и централизованных мер.

Как показал анализ зарубежного опыта, европейские программы по преодолению социального исключения развиваются в направлении от поддержки приоритетных целевых групп, наиболее сильно подверженных исключению (таких как длительно безработные, одинокие родители, второе поколение мигрантов и т.п.) в сторону интеграционных и территориальных стратегий.

Учет перечисленных параметров и подходов мог бы положительно повлиять на концепцию социальной защиты в Российской Федерации. Если сравнить российские и европейские нормативные и стратегические документы, можно сделать следующие выводы. В России основания для социального обслуживания во многом пересекаются с социальными индикаторами риска социального исключения, которые выделяются в Европе и Америке. Разница - именно в концептуальных основаниях: на чем делается акцент, какие предполагаются дальнейшие шаги, исходя из концепции, заложенной в основание социальной работы (социальной

политики в целом). Например, в Европе и Америке – это социальное вовлечение с четко определенными целями и результатами, так как в основе лежит идея о социальном исключении, как множественных депривациях, и, следовательно, необходимости социального вовлечения/включения (в общество). Таков государственный ответ на проблему исключения. В российском контексте это – социальное обслуживание с неопределенными целями и результатами: обстоятельства, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности гражданина, не имеют связи с обществом (исключением из общества), поэтому появляется право на социальное обслуживание, компенсирующее это ухудшение, – «долго и с размытым конечным результатом».

В новом законе об основах социального обслуживания не учитывается множественность факторов, приводящих к тому или иному состоянию, которое является основанием для социального обслуживания. Поэтому смешиваются ситуации, требующие разного вмешательства как по времени, так и по усилиям и по формам. Для сравнения: в Евросоюзе в определении социальных услуг общего пользования, направленных на профилактику и социальное сплочение, входят несколько отдельных направлений:

- поддержка людей, оказавшихся в трудных ситуациях или кризисе (в связи с долгами, безработицей, зависимостью, разрывом семейных отношений);
- обеспечение возможности полной реинтеграции в общество и, в частности, в рынок труда;
- мероприятия в целях интеграции людей, имеющих инвалидность или нуждающихся в длительном уходе в связи с проблемами здоровья;
- социальное жилье нуждающимся.

Кроме того, выделенные в новом законе проблемные обстоятельства, требующие социального обслуживания, свидетельствуют о наличии уже глубокого неблагополучия у гражданина или в семье. Выделение крайних случаев закладывает в самые основы социального обслуживания позднее реагирование. Аналогичный подход применяется даже в определении термина «профилактика», где под «профилактикой» понимается «выявление и устранение *причин, послуживших основанием ухудшения условий жизнедеятельности граждан...*» (п.6 статьи 3 ФЗ №442-ФЗ). Проще говоря, под профилактикой в законе понимается недопущение ухудшения сложившегося неблагополучия. На это направлены и формы его выявления: в отношении граждан – изучение причин, влияющих на ухудшение

условий жизнедеятельности, в отношении социальных явлений - статистические наблюдения и социологические опросы. В то же время, мировым трендом является ранее реагирование, которое достигается за счет многоаспектного рассмотрения социального неблагополучия, чего явно нет в отечественной практике.

Применим ли западный подход к ситуациям, в которых оказываются наши уязвимые граждане или граждане в ТЖС, можно ли говорить о социальном исключении в российском контексте? Проведенное нами исследование показывает: концепция социального исключения применима к российским реалиям, к анализу положения людей, имеющих риск ТЖС. Анализ положения обследованных респондентов сквозь призму концепции социального исключения позволяет увидеть, что представители разных целевых групп рискуют столкнуться со всеми основными проявлениями социального исключения и в совокупности это и делает их уязвимыми для серьезных негативных последствий. Уязвимость определяется не причастностью к социальной группе, а наличием множественного неблагополучия и слабой ресурсной базой гражданина или семьи. Применение концепции социального исключения дает возможность расширить понимание о необходимости социального сопровождения, учитывающего комплексные проблемы человека, а также необходимости разработки и принятия мер для преодоления институционального исключения, очень характерного для уязвимых групп. Подход с использованием концепции социального исключения позволяет существенно дополнить используемый в России подход, так как исходит не из наличия конкретного неблагополучия (или причастности к определенной уязвимой группе), а показывает круг проблем, с которым могут сталкиваться группы риска. Кроме того, из определения исключения как процесса следует несостоятельность краткосрочных мер в работе с группами риска социального исключения.

В рамках проведенного исследования были выявлены существенные пробелы в практике социальной работы, например, то, что потребности людей и предложение со стороны государственной системы социальной поддержки не совпадают. Органы соцзащиты во многих случаях «не видят» нуждающихся, а последние сами не обращаются к ним за помощью.

За исключением детей-сирот и оставшихся без попечения родителей, рассчитывающих на решение государством жилищной проблемы, можно отметить, что патерналистских настроений среди участников обследования практически нет, люди, оказывающиеся в трудных ситуациях, не рассчитывают на поддержку

государства и не рассматривают государственные службы в качестве серьезного ресурса поддержки. Самые главные ресурсы поддержки связаны с социальной сетью человека – семьей, друзьями. Другие акторы (НКО, религиозные центры) иногда становятся эффективным ресурсом поддержки, если нет или слабы социальные связи.

Когда человек совсем оказывается без личных ресурсов - без дома, без родных (потеряны связи), без работы и т.д., он может попасть в мир соцзащиты в формате учреждения для бездомных (ЦСА). Пробел системы социальной защиты в том, что в ней нет ресурса для поддержки тех, кто еще не упал окончательно, когда социальное сопровождение могло бы остановить и предотвратить крайнюю степень уязвимости. Работа госучреждений подчас усиливает исключенность, при этом страдают и люди в ТЖС (опускаются руки, пьют, агрессия), и сотрудники учреждений (выгорание - агрессия, опускаются руки, обвинение).

Обобщая результаты проведенного качественного обследования 4 групп риска трудной жизненной ситуации можно сделать следующие выводы:

- представители всех обследованных групп слабо информированы о своих правах и об услугах государственных органов;

- распространенная правовая незащищенность актуализирует развитие разных форм социальной рекламы и повышения правовой грамотности населения как силами государственных служб, так и СОНКО;

- технология социального сопровождения, подразумевает комплексный и индивидуальных подход к каждому случаю. Потребность в социальном сопровождении осознается представителями разных целевых групп: об этом говорили, как освободившиеся заключенные, так и выросшие дети, оставшиеся без попечения родителей, а также представители семей с алко- и наркозависимыми членами. Соответственно, необходимо менять подходы к социальной работе, развивая комплексные решения для обеспечения помощи при множественных проблемах; применяя активное выявление лиц, имеющих риск социального исключения взамен работы исключительно по заявительному принципу, в том числе создавая «перехватывающие пункты» (например, при освобождении из заключения, при окончании школы детьми, оставшимися без попечения родителей). Во многом вопрос стоит не только и не столько в необходимости увеличения материальной базы служб, сколько в изменении технологий работы и подготовки специалистов. Респонденты отмечали улучшение качества социальных услуг в связи с ремонтом

зданий, внедрением электронных очередей, стандартизацией и нормированием услуг. Однако сохраняются и усиливаются другие проблемы - «выгорание» специалистов; повышение уровня принятия решений (удлинение процедур принятия решений) в связи с прошедшей оптимизацией; низкий размер материальной помощи; отсутствие или недостаточный уровень квалификации и перегруженность профильных специалистов (например, юристов, психологов, тех, кто мог бы выступать кураторами семей).

В целом можно сделать вывод, что в большинстве пилотных регионах концепция социальной поддержки населения и услуг ориентирована на традиционные целевые группы (семьи и дети, пенсионеры, инвалиды). Иные социально исключенные группы, особенно маргинальные (зависимые, бездомные, освободившиеся) практически не попадают в сферу внимания ОСЗН. В мерах социальной поддержки маргинальных групп акцент делается, прежде всего, на предоставлении конкретных благ и услуг (накормить, дать кров).

Новое законодательство в сфере социальной защиты позволяет:

- создать потенциальные возможности для развития рынка социальных услуг, для внедрения технологии социального сопровождения,
- упорядочить процессы межведомственного взаимодействия,
- создать предпосылки для снятия технологических проблем в организации социальных услуг (сплошное нормирование услуг, формирование порядков, регламентов и стандартов, создание общей электронной базы получателей социальных услуг),
- упростить контроль качества услуг за счет повышения прозрачности поставщиков,
- внедрить внешний общественный контроль качества услуг и др.

Однако обследование практики работы органов социальной защиты пилотных регионов позволяет ясно увидеть серьезные риски для реализации новых подходов. Прежде всего, это проблема недостаточной квалификации и оттока кадров в социальной сфере в силу низкой заработной платы специалистов по социальной работе. Далее, большой риск несет слабость межведомственного взаимодействия: органы социальной защиты населения - инициаторы различных соглашений и порядков межведомственного взаимодействия имеют слабое влияние на остальные ведомства. К тому же различается уровень компетенции в работе с трудными группами. Стандартизация и тарификация социальных услуг еще не завершилась,

соответственно, в рамках госзадания сотрудники служб вынуждены оказывать нетарифицированные услуги. А для других служб, чье участие необходимо в межведомственной работе, данные услуги в целом являются дополнительной, непрофильной, нерегламентированной и нефинансируемой нагрузкой. Крайне велик риск формального применения межведомственного подхода без значительного реформирования рабочих процессов и усиления координации между службами.

На основании вышеизложенного нами предлагается принять Концепцию развития социальной защиты в Российской Федерации, в которую включить следующие направления:

- Изменение подходов к определению нуждаемости гражданина в мерах социальной защиты (в т.ч. социальных услуг).

Новый Федеральный закон «Об основах социального обслуживания в Российской Федерации» в качестве индикаторов нуждаемости в социальном обслуживании определяет сформировавшиеся депривирующие обстоятельства (ст. 15). При определении нуждаемости гражданина происходит отнесение его к той или иной группе обстоятельств, и предложение ему набора услуг, направленных на снижение остроты возникших депривирующих обстоятельств. При этом в качестве целей социального обслуживания рассматривается процесс предоставления услуги, а в качестве результата – факт предоставления услуги. Подобный подход не выводит гражданина из состояния социального исключения и не позволит перейти к концепции социального сопровождения, базирующейся на всестороннем исследовании имеющихся у гражданина социальных ограничений и ресурсов ближнего социального окружения гражданина (семьи).

- Введение общего термина, характеризующего состояние гражданина (семьи), которое требует вмешательства служб социальной защиты.

Исключение из Федерального закона «Об основах социального обслуживания в Российской Федерации» общего понятия «трудная жизненная ситуация», создает проблемы при определении получателей мер социальной поддержки в рамках законодательства о государственной социальной помощи и иного социального законодательства. Необходимо инициировать обсуждение общего квалификационного термина экспертным сообществом и практиками с целью внесения предложений по его введению в законодательное поле.

В части замещения термина «трудная жизненная ситуация» можно предложить термины: «социальная исключенность», «сложная жизненная ситуация»

или «социальная депривация» с ранжированием по степени депривации и с четким описанием глубины ограничений (что входит в ту или иную степень). Термин «трудная жизненная ситуация» провоцировал на концентрацию внимания на субъективных трудностях человека. Замена его, например, на термин «сложная жизненная ситуация» могло бы стать основанием для ориентации на рассмотрение объективных характеристик ситуации, состоящей из нескольких проблем, с которыми сталкивается человек.

- Оформление алгоритма работы с гражданином (семьей) в модели социального сопровождения.

В новом законе о социальном обслуживании появляется элемент социальной работы, определяемый как «социальное сопровождение», однако предполагает он физическое сопровождение лиц при получении той или иной социальной услуги (в том числе услуги в рамках межведомственного взаимодействия). Вместе с тем, это - узкая трактовка технологии социального сопровождения. В широком смысле, социальное сопровождение подразумевает комплексный подход к работе с гражданином в модели «кейс-менеджмента», который включает в себя ряд важных мероприятий: всестороннюю междисциплинарную оценку имеющихся у гражданина (семьи) деприваций, оценку имеющихся у него социальных и материальных ресурсов, совместную постановку цели, разработку плана достижения цели, назначение куратора для помощи в достижении цели и корректировки ее и проводимых мероприятий в случае необходимости.

- Развитие форм и методов профилактической работы по раннему выявлению социального неблагополучия (индивидуального или внутрисемейного).

В настоящее время в ряде регионов страны развиваются такие формы выявления социального неблагополучия, как социальные участковые службы, однако развиваются они в основном в сельской местности. Городские жители - более закрыты для посещений служб социальной защиты. Здесь технология раннего выявления может базироваться на межведомственном взаимодействии. При этом необходимо четко прописать в нормативных правовых актах высшего порядка алгоритм межведомственного взаимодействия и ответственность каждого отраслевого звена взаимодействия (здравоохранения, образования, социальной защиты, культуры, физкультуры, органов правопорядка, органов опеки и попечительства, СО НКО), в поле зрения которого попадает гражданин (семья).

- Развитие форм обучения, подготовки и переподготовки специалистов служб социальной защиты с учетом новых подходов к работе с получателями мер социальной защиты (в т.ч. социальных услуг).

Наиболее важным представляется подготовка особых методических рекомендаций и обучение специалистов «на входе», тех, кто впервые сталкивается с гражданином (семьей) и осуществляет общую оценку ситуации. Помимо технологий социальной работы данный специалист должен быть обучен навыкам психологического анализа. Эти же навыки должны получить специалисты участковой социальной службы для раннего выявления семейного неблагополучия.

Для смежных отраслей, включенных в группу межведомственного взаимодействия, также должен быть разработан курс обучения по выявлению раннего семейного неблагополучия.

Дополнительная психологическая подготовка должна быть предусмотрена и для специалистов, которые будут осуществлять курирование тех или иных граждан или семьи в рамках социального сопровождения.

- Определение позиции государства по сохранению форм государственной поддержки граждан за особые заслуги перед государством или пострадавших по вине государства.

При наличии ресурсов государство вправе сохранить блок законодательства, регламентирующего предоставление тех или иных социальных выплат, компенсаций и услуг для граждан, имеющих особые заслуги перед государством или пострадавших по вине государства. Но эта позиция должна быть зафиксирована в общей концепции социальной защиты и развиваться автономно от иного социального законодательства.

В перспективе, можно говорить о необходимости подготовки отдельного закона о работе с социальным исключением, который бы связал воедино технологии социального сопровождения, меры социальной поддержки, предоставляемые гражданам в ТЖС и современные технологии работы с семьей в форме социального контракта и т.п. От этого закона можно было бы перекинуть мостик и к социальному обслуживанию, как одному из видов социальной поддержки таких граждан (семей). Такая конструкция свяжет разрозненное социальное законодательство в единый пакет. По сути, задачи государственной социальной защиты должны быть направлены, прежде всего, на нивелирование социального исключения всеми формами социальной работы и социальной поддержки. Для реализации же

обязательств по поддержке особых заслуженных групп населения или пострадавших по вине государства могут быть сохранены самостоятельные законы, которые не должны пересекаться с законодательством, регулирующим защиту граждан в случае появления у них тех или иных ограничений, и должны составлять отдельный блок законов.

Заключение

В рамках проведенного исследования удалось осуществить весь комплекс работ, намеченных специально разработанной методологией исследования проблем роста экономической активности населения, социальной динамики и риски возникновения трудных жизненных ситуаций.

Определены ресурсные характеристики, влияющие на значения экономической активности населения, установлены значения соответствующих факторов, определяющие ее рост или, наоборот, торможение. Установлена связь ресурсного потенциала домохозяйств с уровнем благосостояния. Подробно описаны трудные жизненные ситуации, в которые попадают домохозяйства, не имеющие ресурсов для их самостоятельного преодоления и, таким образом, нуждающиеся в социальной поддержке. В этом смысле можно заключить, что исследование осуществлено комплексно и в полном объеме.

Установлено, что домохозяйства явным образом дифференцированы по составу и степени развитости их ресурсной обеспеченности. Показана значимость для домохозяйства наличия каждого из эффективно развитых ресурсов. Незрелость какого-либо из ресурсов или его «неэффективное развитие» заметно сокращает шансы достижения высоких показателей благосостояния, при этом каждый из ресурсов, в развитии которого достигнут позитивный результат, «выталкивает» домохозяйство в более благополучные группы населения. При рассмотрении рисков оказаться в трудной жизненной ситуации или приблизиться к ней ситуация полярна. При переходе к каждому следующему типу ресурсного потенциала положение домохозяйств становится заметно благополучнее.

Каждый из элементов структуры ресурсного потенциала (образовательный потенциал, ресурс здоровья, тип поселения, демографический тип семья, занятость членов семьи) имеет граничные значения, по достижении которых домохозяйство существенно увеличивает шансы вхождения в группы благосостояния выше среднего и купирует риски нахождения в трудной жизненной ситуации. Значимость каждого из ресурсов, при рассмотрении пороговых значений их развития, практически идентична, что иллюстрирует наличие механизмов, посредством которых домохозяйства могут выстраивать относительно успешные практики на основе любого набора таких ресурсов и в значительной степени компенсировать «недостающий» ресурс любым другим.

Именно поэтому, говоря о возможностях социальной политики, направленной на рост экономической активности и, соответственно, благосостояния домохозяйств, необходимо обратить внимание на каждый из ресурсов развития, не ограничиваясь рассмотрением только непосредственного повышения дохода. Используя подобный комплексный подход, можно говорить о социальной политике, направленной на рост ресурсообеспеченности населения в целях повышения общего уровня благосостояния, сокращение зоны бедности и нуждаемости, снижения рисков попадания в сложную жизненную ситуацию для домохозяйств в современном российском обществе.

Показательно, что даже для наименее ресурсообеспеченного и неблагополучного населения подобные меры могут дать свой заметный результат. В этом контексте, говоря о наиболее благополучном населении, нужно вести речь не просто о материальной поддержке, направленной на поддержание минимально приемлемого уровня его существования, а о способах увеличения ресурсного потенциала неблагополучных домохозяйств для улучшения их жизненной ситуации. Изменение значения любой составляющей ресурсного потенциала с негативного на позитивное приводит даже в наиболее неблагополучной группе домохозяйств (имеющих не более одного позитивного индикатора составляющих ресурсного потенциала из пяти возможных), к росту их шансов оказаться среди имеющих благосостояние не ниже среднего с 16,7% до 30,2%.

Такая же динамика работает и для более ресурсообеспеченных групп: так, у имеющих максимальные значения ресурсного потенциала (пять положительных индикаторов) по сравнению с четвертью, соответствующие шансы оказаться в группах с уровнем благосостояния не ниже среднего составляют 77% и 60,1% - это меньший, но, тем не менее, также значимый прирост. Обратим отдельное внимание и на качественный переход от наличия трех имеющих положительное значение составляющих ресурсообеспеченности к четырем – если в первой группе доля имеющих благосостояние не ниже среднего составляет еще менее половины, то во второй оно уже превышает половину. Таким образом, социальная политика, направленная на повышение ресурсообеспеченности домохозяйств, в той или иной форме применима ко всем группам российских домохозяйств – как к низкоресурсным, так и высокоресурсным. Естественно, конкретные ее направления и меры могут при этом значительно отличаться в зависимости от конкретной структуры ресурсного потенциала той или иной группы домохозяйств.

Полученные знания говорят в пользу переориентации социальной политики с преобладающих на сегодняшний день мер монетарной помощи бедным, которые могут позволить домохозяйствам поддерживать существование на грани физического выживания, но не способствует устранению структурных предпосылок бедности, а также предпосылок ее межпоколенного воспроизводства. При этом то население, которое существует на грани бедности, но пока не попадает непосредственно в число бедных, вообще обычно не является отдельным объектом социальной политики. Именно разработка мер, направленных на повышение ресурсообеспеченности как самих бедных, так и тех, кто находится на грани бедности, могла бы являться направлением социальной политики, способствующим сокращению, как масштабов бедности, так и ее «зоны риска». Такая политика может быть направлена на повышение возможностей «добрать» те или иные ресурсы (такие как образование) или компенсировать воздействие негативных элементов ресурсного потенциала (например, проживание в определенном типе поселения, накладывающее свои ограничения на возможности накопления и реализации других видов ресурсов). Конкретные направления могут охватывать меры, связанные с рынком труда (создание рабочих мест в определенных сегментах рынка, помощь с трудоустройством для представителей групп риска); расширение возможностей доступа для получения образования; выравнивание жизненных шансов для различных групп, различающихся ресурсным потенциалом в силу особенностей типа поселения или демографического состава семьи. Такие меры могли бы способствовать и преодолению процесса межпоколенного воспроизводства бедности за счет создания возможностей для детей и молодежи из бедных семей накопления ресурсов на начальных этапах их жизненного пути (образование, здоровье, занятость).

Этой логике частично следует трансформация подхода к анализу бедности и новое рассмотрение этой проблемы в рамках концепции эксклюзии, характерная для западных стран (концепция эксклюзии, однако, пока остается относительно новой для российского дискурса). Речь идет о том, что в новых условиях проблему представляет не бедность как нехватка доходов, а исключение части населения из продуктивных социально-экономических практик.

Другой аспект, связанный с ростом благосостояния и экономической активности связан с пересмотром значимости социальной работы, которая пока недостаточно развита в России. Значимость данной сферы определяется не только

тем, что социальные работники, находясь в непосредственном контакте с населением, способны адресно решать конкретные задачи, стоящие перед теми или иными домохозяйствами в связи с индивидуальной, характерной именно для них структурой имеющихся и отсутствующих у них ресурсов. Социальная работа, вследствие ее значимости для роста экономической активности и благосостояния домохозяйств, должна превратиться в эффективную отрасль экономики с растущей численностью рабочих мест, привлекательным для занятых в ней гибким графиком работы, условиями для привлечения, с одной стороны, квалифицированных специалистов, а, с другой - граждан, обнаруживающих у себя общественные и гуманитарные интенции.

Полученные результаты будут полезны при разработке Концепции социальной политики до 2050 г., разрабатываемой в настоящее время РАНХиГС.

Список использованных источников

1. О перечне государственных услуг, оказываемых государственными учреждениями, иными юридическими лицами и финансируемых за счет средств бюджета республики Татарстан: постановление КМ РФ от 24 апреля 2009 г. № 271 (в ред. постановления КМ РФ от 14.11.2013 № 873)
2. Программы по трудоустройству бездомных: опыт Европы и США - <http://eslidomanet.ru/news/obzor-zarubezhnogo-opyta-trudoustrojstva-bezdomnyx-lyudej.htm>
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. N 688 г. Москва "О внесении изменения в пункт 24 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации".
4. Abrahamson P. Combating Poverty and Social Exclusion in Europe // The Social Quality of Europe. Hague: Kluwer Law International, 1997
5. Материалы Европейской Комиссии - <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=751>